В9(Р)82
Г60

А. Н. Голицынскій.

На позиціяхъ

ПОРТЪ-АРТУРА.

Изъ дневника Ротнаго и
Баталіоннаго Командира.

Цѣна 80 коп.

Издалъ В. Березовскій
Коммиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.
1907.

94 г

1960 / 1 50

Проверено 02 СЕН 2004

А.К. ИКА.

Нов. инв. 437

ПРОВЕРЕНО

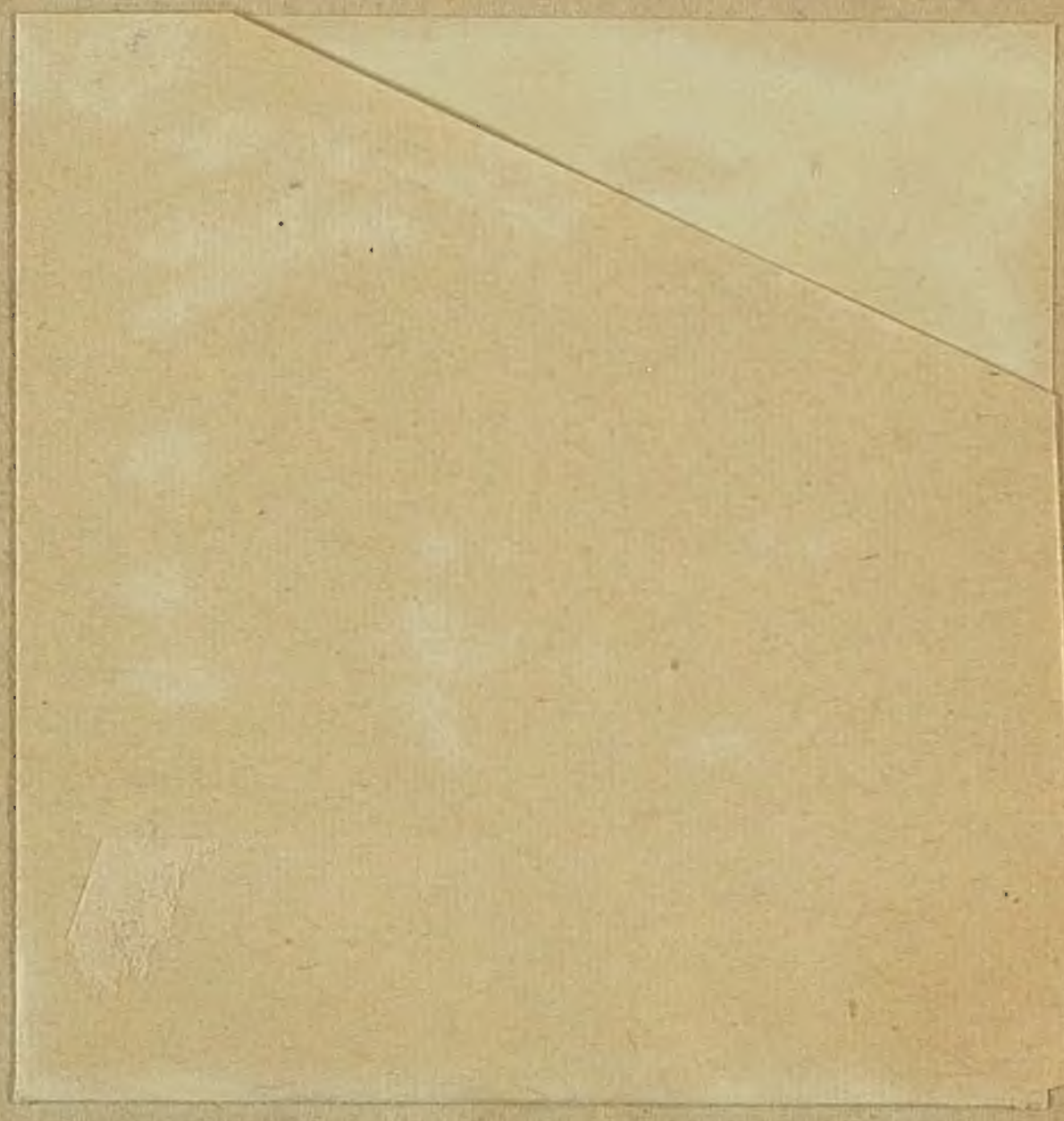
ПРОВЕРЕНО

1951 —

1954.

1972 1960 г.

1984



В9(р)82
Г60

Г-61.
8.151
Г.60

А. Н. Голицынскій.

1948
ПРОВЕРЕНО

А.И.М. РККА.
Нов. инв. № 437

Арт. Истор. Музей РККА
№ 23124.
БИБЛИОТЕКА

На позиціяхъ Портъ-Артура.

Инв. 1116.

Изъ дневника Ротнаго и Баталіоннаго Командира.

Военный историко-бытовой музей Р.К.К.А.
5784

1 л. прим.

209

Издалъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.
1907.

2340.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., Большой просп., 61).

Личныя впечатлѣнія ротнаго командира въ сраженіяхъ подъ Портъ-Артуромъ.

Вступленіе.

16 марта 1898 года въ Портъ-Артурѣ были высажены 9-й В.-С. стрѣлковый полкъ и 3 батарея В.-С. дивизіона. Это были первые наши войсковыя части на арендованномъ у Китая на 25 лѣтъ, незамерзающемъ портѣ, на побережьѣ Тихаго океана. На рейдѣ и въ гавани въ это время уже стояла часть нашей эскадры. Вскорѣ прибыли и другія части отряда, предназначеннаго для занятія Квантунскаго полуострова, а именно: остальные три полка 3-й В.-С. стрѣлковой дивизіи, 6 ротъ крѣпостной артилеріи, 1 рота саперъ, 3 полевыя батареи и 3 сотни казаковъ. Впослѣдствіи гарнизонъ былъ увеличенъ еще однимъ крѣпостнымъ полкомъ. Тогда же рѣшено было придать новой военно-морской базѣ извѣстную оборонительность и для выясненія этого вопроса на Квантунъ командировались адмиралъ Дубасовъ, генералъ Кононовичъ-Горбацкій и другія лица. Комиссіею подъ предсѣдательствомъ Ген. Кононовича-Горбацкаго была намѣчена линія сухопутной обороны въ 70 верстъ, на которую приходилось поставить гарнизонъ въ 70 тысячъ человѣкъ и свыше 500 орудій, не считая

береговыхъ. Это предположеніе по финансовымъ и дипломатическимъ соображеніямъ было измѣнено, и на Квантунѣ рѣшили оставить гарнизонь въ $11^1/_2$ тысячъ человѣкъ, а въ зависимости отъ этого пришлось сократить и линію обороны до 22 верстъ, приблизивъ ее къ ядру крѣпости.

Вся линія сухопутной обороны была раздѣлена на два фронта—восточный и западный и на вооруженіе ея назначено было 237 орудій, 40 пулеметовъ и предполагалось возвести:

8 долговременныхъ фортовъ,
9 „ батарей,
9 полудолговременныхъ укрѣпленій,
9 временныхъ укрѣпленій,
24 батареи мобилизаціоннаго періода и около 6 верстъ непрерывной ограды.

Для осуществленія этого Высочайше утвержденнаго проекта слѣдовало отпустить въ теченіе пятилѣтія 15 милліоновъ рублей. Но до 1904 года, когда началась война, было отпущено всего 4.235.530 рублей, т. е. менѣе одной трети необходимаго. Причиною столь печальнаго обстоятельства слѣдуетъ считать то, что денежные отпуски на оборонительныя работы по Артуру устанавливались междувѣдомственными совѣщаніями, на которыхъ требованія военнаго министерства подвергались жестокимъ урѣзкамъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, считаясь съ впечатлительностью иностранцевъ вообще, а японцевъ въ частности, рѣзко выразилось мнѣніе, что въ дѣлѣ организаціи Артура, всѣми мѣрами слѣдуетъ избѣгать излишней поспѣшности. И въ денежныхъ отпускахъ на оборонительныя работы дѣйствительно поспѣшности не наблюдалось, и къ открытію военныхъ дѣйствій, работы по укрѣпленію представляли вообще малоотрадную картину.

Изъ 8-ми проектированныхъ долговременныхъ фортовъ былъ оконченъ вполнѣ только одинъ—(№ 4), готовы на половину—3; было лишь приступлено къ работамъ—2-хъ, совершенно не существовало 2-хъ. Изъ 9 долговременныхъ

батарей готовыхъ было 4, строились 3, приспособлена старая китайская 1, не существовало вовсе 1. Изъ 9 полудолговременныхъ — готовыхъ 2, строилось 5, не существовало 2. Изъ 9 укрѣпленій временной профили готовыхъ 4, приспособлено старыхъ китайскихъ 2, вовсе не существовало 3. Ни какой подготовки мобилизаціонныхъ батарей не было. Порохо-хранилищъ имѣлось вмѣсто 7 — 4. Дорогъ было выстроено достаточное количество, онѣ проходили сзади всѣхъ укрѣпленій и направлялись къ центру крѣпости. Въ качественномъ отношеніи дороги были хороши и, несмотря на то, что шли по косогорамъ, успѣшно сопротивлялись дождевымъ водамъ, но, проходя часто по открытымъ пространствамъ, не имѣли почти нигдѣ крытыхъ или углубленныхъ ходовъ сообщенія, а потому отлично обстрѣливались японцами даже ружейнымъ огнемъ. Приспособленія для установки прожекторовъ и дальномѣровъ были выполнены лишь на береговыхъ батареяхъ и на очень немногихъ пунктахъ сухопутной линіи. Телеграфъ и телефоны крѣпости были въ большинствѣ съ воздушными проводами — вѣчно обрывавшимися при бомбардировкахъ. Артиллерійское вооруженіе положенное по табели было получено къ концу 1903 года все, за исключеніемъ 5—10-ти дюймовыхъ пушекъ *). Количество снарядовъ приходилось на орудіе такъ:

Къ легкой полевой	по 350
„ батарейной	„ 100
„ 6-д. мортирѣ	„ 200
„ 6-д. Канэ	„ 125
„ 9-д. мортирѣ	„ 125
„ 37 млм. морскому	„ 175
„ 47 „ „	„ 350
„ 75 „ „	„ 1000

Къ началу осады на всѣ батареи, командиромъ послѣднихъ была разослана инструкція, въ которой между прочимъ говорилось: „Весь запасъ крѣпости въ артиллерійскихъ

*) Всѣ вышеприведенныя данныя взяты изъ статьи Г. Тимченко-Рубанъ „Нѣчто о Портъ-Артурѣ“ Военн. сборн. 1906 г. мартъ.

снарядахъ можетъ быть измѣренъ почти лишь тѣмъ, что имѣется на батареяхъ. Время осады неизвѣстно; но предполагается, что осада такой крѣпости какъ П.-А. по тому положенію въ какомъ крѣпость можетъ находится не затянется долѣе 2-хъ—3-хъ мѣсяцевъ, надо считать, что расходъ снарядовъ на батареяхъ въ общемъ долженъ составлять при ежедневномъ расходованіи 6—8 выстрѣловъ на одно орудіе въ день". Въ помощь нашему артиллерійскому вооруженію слѣдуетъ добавить орудія, доставшіяся намъ въ 1900 году отъ Китайцевъ, хотя большинство изъ нихъ были, такихъ старыхъ конструкцій, что не имѣли боевого значенія, за исключеніемъ немногихъ хорошихъ Крупповскихъ орудій. Но въ разгаръ обороны мы не брезгали и пушками заряжавшимися съ дула. Артиллерійской прислуги въ П.-А. къ моменту разрыва съ Японіей было мало;— одна смѣна (8 ч.) на каждое орудіе сухопутной обороны; еще большій недостатокъ ощущался въ артиллерійскихъ офицерахъ; какъ напримѣръ, укажу на находившуюся по сосѣдству съ ввѣреннымъ мнѣ участкомъ Заредутную батарею, начальникомъ которой былъ съ августа до конца осады Фельдфебель (Пуломадьяновъ). Гарнизонъ крѣпости составили 4-я и 7 В.-С. стрѣлковыя дивизіи. 4-я пришла лѣтомъ изъ Манчжуріи и замѣнила 3-ю, а 7-я была сформирована вновь въ Ноябрѣ мѣс. 1903 г. При чемъ крѣпостной Артурскій полкъ былъ наименованъ 25-мъ, а остальные полки сформировали изъ разныхъ частей Россійскихъ полковъ, прибывшихъ такъ же, какъ и 3-и баталіоны полковъ нашей дивизіи съ Запада передъ объявленіемъ войны; кромѣ этихъ 2-хъ дивизій и случайно оказавшагося въ П.-А. 5-го В.-С. стрѣлковаго полка набралось еще 7 батал. изъ моряковъ Квантунскаго экипажа, желѣзнодорожнаго баталіона и пограничниковъ. Всего пѣхоты съ флотскимъ экипажемъ около 34 тысячъ, плюсъ судовыя команды. Кромѣ того имѣлась 1 рота крѣпостныхъ саперъ. Ружей и патро-

новъ было достаточно. Вкратцѣ скажу географическое положеніе Артура: онъ расположенъ на сѣверномъ берегу большой замкнутой со всѣхъ сторонъ бухты, сообщающейся съ моремъ узкимъ проходомъ, и лежитъ въ котловинѣ. Старый городъ — съ китайской постройкой, примыкаетъ къ восточному бассейну этой бухты; Новый — съ Европейскими постройками къ западному, — Западный бассейнъ прикрытъ съ моря Тигровымъ полуостровомъ, чрезвычайно гористымъ, съ высшею точкою въ 72 сажени. Восточный бассейнъ, болѣе глубокій, огражденъ съ моря Золотой горой въ 55 саженъ высоты, Электрическимъ утесомъ и рядомъ холмовъ, къ востоку переходящихъ въ гряду Крестовыхъ горъ. Съ сухопутья Артуръ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами. Горы эти начинаются на юго-востокѣ Крестовой горой и направляются сначала на Сѣверъ, а затѣмъ на Сѣверо-Западъ и носятъ названіе Драконова хребта, высшая точка котораго 93 саж. находится въ центрѣ; Восточная-же и Сѣверная часть хребта не такъ высоки, такъ что лежащія въ полутора-двухъ верстахъ къ сѣверу горы Сяогушанъ (62 с.) и Дагушань (92 с.) являются сильно командующими надъ этими склонами. На Сѣверо-Западѣ Драконовъ хребетъ обрывается въ долину рѣчки Луньхэ; Западнѣе которой идутъ горы, въ безпорядкѣ нагроможденныя одна на другую, изъ нихъ самое большое превышеніе надъ уровнемъ моря 98 саженъ имѣетъ гора „Высокая“ (она же 203 метра). Съ нее виденъ весь новый городъ, весь западный и часть Восточнаго бассейна. Съ Западной и Юго-Западной сторонъ особенно высокихъ и обширныхъ по площади горъ нѣтъ, кромѣ отдѣльныхъ вершинъ. Всѣ названныя возвышенности весьма сильно командуются съ горнаго массива Ляотешань, отдѣльныя точки котораго достигаютъ высоты 217 саж. Онъ находится съ южной стороны въ разстояніи отъ 2 — 4 верстъ отъ города.

Переходя къ обзору дѣйствій я долженъ сказать, что

командуя ротою и баталіономъ, не покидая позицій, мнѣ представлялась возможность знать сравнительно немного. Если на маневрахъ мирнаго времени сплошь и рядомъ мы получаемъ распоряженія, приказанія и диспозиціи изъ штабовъ уже послѣ исполненія задачи, то здѣсь при военныхъ дѣйствіяхъ мы получали ихъ совсѣмъ рѣдко, а знали о происходящемъ не у насъ еще меньше. А потому въ моемъ сообщеніи я могу говорить подробно только о дѣйствіяхъ моей роты, баталіона и полка. Тактическаго подробнаго разбора сраженій по неимѣніи официальныхъ данныхъ я не имѣю возможности сдѣлать

I.

«1-й бой».

Высочайшимъ приказомъ 6 марта 1904 г. я былъ переведенъ въ 14-й В.-С. стрѣлк. полкъ и 10 Апрѣля былъ въ новомъ мѣстѣ службы. Полкъ находился въ городѣ Дальнемъ и несъ сторожевую службу по бухтамъ, не прекращая въ то-же время занятій мирнаго времени, тѣмъ болѣе, что пополненіе призванными изъ запаса дѣлалось только теперь, да и прибывшій изъ Россіи 3-й батальонъ состоялъ на половину изъ молодыхъ солдатъ, не проходившихъ курса стрѣльбы. На роты расположенныя по бухтамъ было возложено своевременное донесеніе начальству о появлявшихся на морѣ непріятельскихъ судахъ, для распознаванія которыхъ къ ротамъ были приданы моряки съ подзорными трубами, и воспрепятствованіе возможной высадки противника на берегъ.

На ротныхъ тактическихъ занятіяхъ по приказанію начальника дивизіи генерала Фокъ было обращено главное вниманіе на развитіе въ отдѣленныхъ и взводныхъ большей самостоятельности. Стрѣлковъ-же располагать въ цѣпи съ гораздо большими интервалами, т. ч. цѣпь роты занимала участки 600 и даже 800 шаговъ. Ввиду невозможности подавать команды на такія большія разстоянія практиковались въ пріученіи людей передавать приказанія по цѣпи отъ стрѣлка къ стрѣлку, въ сигнализированіи флагами и свистками.

Стрѣльба производилась на небольшемъ стрѣльбищѣ и нѣкоторымъ ротамъ, какъ и моей до выступленія въ походъ не пришлось ни разу пострѣлять.

Я принялъ 9-ю роту, стоявшую въ отдѣлѣ—на механическомъ, теперь остановившемся, заводѣ верстахъ въ 4-хъ отъ бухты Меланхэ. Мы составляли резервъ частей расположенныхъ у этой бухты. Въ ночь на 23 апрѣля мы получили приказъ быть готовыми къ выступленію, и въ 12 часовъ дня полкъ въ составѣ свыше 3-хъ тысячъ человѣкъ (у меня въ ротѣ было 252 человѣка) двинулся на Сѣверъ. Къ 4 часамъ мы стали бивакомъ у станціи Нангуанлинъ и тутъ получили извѣстіе, что японцы высаживаютъ десантъ въ Бидзево.

Бросились мы на станцію — давать прощальныя телеграммы въ Россію, но было уже поздно,—на станціи Саншилипу, сѣвернѣе Нангуанлина, телеграфъ былъ уже разрушенъ. Впослѣдствіи оказалось, что это была излишняя торопливость желѣзнодорожниковъ, такъ какъ хотя японцы дѣйствительно начали высаживаться 23-го, но наступленіе началось значительно позже, такъ что 26 апрѣля полковникъ Спиридоновъ имѣлъ еще возможность провести въ Артуръ поѣздъ со снарядами.

Бивачная жизнь, благодаря отличной погодѣ, небольшимъ передвиженіямъ, изобилію пищевыхъ запасовъ, щедро расходуемыхъ (н. ч. получали ежедневно фунтовыя порціи говядины), въ связи съ сознаніемъ предстоящей высокой задачи, настраивала всѣхъ на отличный ладъ, а сибирскіе стрѣлки, участники Китайской войны, увѣренные въ успѣхѣ, вселяли и въ насъ вѣру въ побѣду. Начальство смотрѣло на сообщеніе о высадкахъ японцевъ довольно спокойно. Генералъ Фокъ, нашъ начальникъ дивизіи, 25 апрѣля отдалъ приказъ, въ которомъ говорилось: „Завтра частямъ ввѣренной мнѣ дивизіи произвести маневръ съ обозначеннымъ противникомъ, который обнаруженъ нашими развѣдчиками сѣвернѣе деревни Чемболосо въ составѣ 10-ти баталіоновъ; свѣдѣній объ артиллеріи не имѣется... и такъ далѣе“. Выступая на разсвѣтѣ на этотъ маневръ мы конечно понимали, — что это за обозначенный противникъ, но пробродивъ по сопкамъ до 2-хъ часовъ дня,

не встрѣтивъ японцевъ, были рады вернуться на бивакъ, т. к. бродили не имѣя картъ и маршрута, какъ въ потемкахъ, и все ждали съ какой стороны по насъ начнутъ стрѣлять. До 2-го мая мы стоимъ бивакомъ у станціи Тафашинъ. Здѣсь два полка нашей дивизіи—13 и 14-й; впереди станція и городъ Киньчжоу — самое узкое мѣсто Квантунскаго полуострова (перешеекъ), на которомъ расположенъ 5 Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ; остальные полки въ Артурѣ. Вечеромъ 2-го мая было получено отъ нашихъ развѣдчиковъ донесеніе, что японцы двигаются къ горѣ Самсонъ, высшей на Квантунѣ, и къ станціи Саншилиппу.

Полкъ снялся съ бивака и подъ прикрытіемъ дозоровъ тронулся вдоль линіи желѣзной дороги къ Сѣверу. Миновавъ позицію 5-го полка на Киньчжоу, часамъ къ 9 вечера, подъ дождемъ мы достигли Китайской деревушки Тализонъ, гдѣ было приказано остановиться и выставить сторожевое охраненіе; какъ разъ моя рота и получила это назначеніе. Приказаніе, отданное командиромъ полка, было довольно туманное, на словахъ: „Пройдите къ Сѣверу, версты двѣ и выставите посты, обо всемъ замѣченномъ сообщайте сюда и отсюда-же получите дальнѣйшія инструкціи“. На мой вопросъ, будутъ ли наши части правѣе и лѣвѣе меня, я получилъ замѣчаніе. „Поменьше говорить и какъ можно скорѣй исполнять то, что приказано, объ остальномъ-же не безпокоиться, такъ какъ мнѣ будетъ все сообщено“. Продвинувшись версты двѣ по дорогѣ, я оказался у какого-то большого желѣзнодорожнаго моста и съ этого пункта рѣшилъ начать заставы. Темная ночь, дождь, совершенно незнакомая мѣстность, полное незнаніе далеко-ли и даже въ какомъ направленіи отъ насъ японцы, все это поставило меня въ такое положеніе, что я сразу позабылъ все, съ такимъ усердіемъ изучавшееся 23 года на Ходынскомъ полѣ, но ясно сознавалъ важность, возложенной на роту, задачи. Вызвалъ единственнаго въ ротѣ младшаго офицера поручика Рачко и

унтеровъ и общими силами, ориентируясь компасомъ съ фосфорическою поверхностью, не имѣя никакихъ плановъ и картъ, принялись мы ощупью за разстановку непрерывной цѣпи постовъ. Ночь прошла, хотя и безъ выстрѣла, но въ сильномъ напряженіи и тревогѣ. Людямъ постовъ мерещатся подкрадывающіеся японцы; дозоры сообщаютъ о засадахъ; провѣрять приходится все самому. На разсвѣтѣ къ намъ подошелъ нашъ полкъ и остановился на линіи постовъ. Посты сняли; впередъ выслали пѣшія охотничьи команды, которыя здѣсь составлялись изъ лучшихъ людей баталіоновъ, по 30 человѣкъ отъ каждой роты, и имѣли своихъ начальниковъ и младшихъ офицеровъ. Полкъ составилъ ружья въ козлы, развели костры, кашеварамъ приказано готовить обѣдъ. Около 8 часовъ утра до насъ начинаютъ долетать довольно отчетливо первые ружейные выстрѣлы. 1-й баталіонъ, не пообѣдавъ, уходитъ на Сѣверо-Западъ въ направленіи дер. Шисалитеза и станц. Саншилиппу и скоро скрывается за сопками. А они здѣсь со всѣхъ сторонъ, одна выше другой. Мы стоимъ въ лощинѣ. Вправо отъ насъ высочайшая на Квантунѣ и громадная, по занимаемой площади гора Самсонъ. Въ 10 часовъ уходитъ къ Сѣверу и 2-й баталіонъ, а около 11 верхомъ пріѣзжаетъ офицеръ 13 полка, и взволнованнымъ голосомъ передаетъ, что японцы силами до 2-хъ дивизій наступаютъ по направленію къ горѣ Самсонъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ сошлись вплотную съ нашими охотничьими командами и своей стремительностью угрожаютъ отрѣзать отъ насъ 13-й полкъ. Командиръ полка отдаетъ приказаніе нашему баталіону занять близь лежащія сопки, въ резервѣ остается одна 12 рота со знаменемъ. Пройдя немного по лощинѣ, командиръ баталіона, подполковникъ Гусаковъ, приказалъ моей ротѣ занять цѣпью длинный гребень сопки съ правой стороны широкой лощины. Разсыпавъ цѣпь, рота карабкаясь по непросохшему еще, довольно крутому скату, быстро добралась до гребня и расположилась цѣпью. Подымаясь кверху, я

былъ увѣренъ, что съ достиженіемъ вершины, глазамъ моимъ представится вся картина боя; стараясь быть впереди роты, я соображалъ уже команды для открытія огня. Но достигнувъ высшей точки, сколько ни напрягалъ зрѣнія въ бинокль, ни нашихъ, ни японцевъ не увидалъ, а только сопки и сопки. Стрѣльба-же изъ ружей слышна частая. Посылаю внизъ къ баталіонному донесеніе, что отъ насъ ничего не видно, и въ это же время слышу бранный голосъ появившагося верхомъ въ лощинѣ начальника дивизіи. Ругаютъ меня „За какимъ чертомъ я залѣзъ на эту сопку“. Не дожидаясь дальнѣйшаго, я приказываю ротѣ спуститься и внизу получаю приказаніе двигаться по лощинѣ, пока по насъ не откроютъ огонь, а затѣмъ остановиться и выбрать позицію вправо отъ лощины, а влѣво назначается 11-я р. Пошли. Ждать огня пришлось недолго; шаговъ 300 прошли, и лощина круто повернула влѣво, и теперь казалась безконечно прямою и длинной; прошли еще шаговъ полтораста, и надъ нами засвистѣли пули; шлепаются на песокъ, ударяются въ отвѣсные берега лощины; стрѣляютъ часто, но издалека. Я отдаю приказаніе занимать высокую сопку вправо. Карабкаемся опять кверху, но уже съ большимъ трудомъ, склонъ гораздо круче, сопка выше, а писк летящихъ рядомъ пуль, по мѣрѣ того какъ выбираются стрѣлки на гребень вершины, превращается въ одинъ сплошной протяжный звукъ. Я еще не добрался до верху, какъ почти всѣ стрѣлки уже расположились цѣпью, и младшій офицеръ поручикъ Рачко открылъ огонь залпами. Добравшись наконецъ до цѣпи, я не сразу разглядѣлъ въ бинокль, откуда неслись по нашему гребню пули. Разстояніе до японцевъ было не менѣе 2-хъ тысячъ шаговъ, и они казались маленькими точками. Но линія ихъ цѣпей была громадна, и прямо предъ нами и влѣво и вправо чернѣли эти точки; вотъ нѣкоторые поднимаются и перебѣгаютъ, остающіеся лежать учащаютъ стрѣльбу, хотя и такъ огонь все время частый; стрѣляютъ не залпами, а

пачками. Не одинъ десятокъ тысячъ пуль уже пролетѣлъ надъ нами, а пока все благополучно, никого не задѣвъ.

Ожидая приближенія цѣпей я прекратилъ залпы, разрѣшивъ стрѣлять только по подымающимся группамъ лучшимъ стрѣлкамъ. Организовалъ подноску или, вѣрнѣе, передачу патроновъ изъ подъѣхавшей къ подошвѣ горы двуколки, разставивъ цѣпью по скату 8 человѣкъ санитаровъ, горнистовъ и слабыхъ; посадилъ за уступомъ скалы фельдшера съ перевязочной сумкою и опять залегъ въ цѣпь съ биноклемъ. Японцы приближаются медленно, за то стрѣльба ихъ дѣлается все чаще и чаще, какъ будто они торопятся выпустить всѣ свои патроны. Стрѣлки напрягаютъ зрѣніе, сообщаютъ мнѣ такія подробности, которыхъ я и въ бинокль не вижу, слышатся остроты: настроеніе у всѣхъ почти веселое. У меня проносится мысль, что вѣдь это мое боевое крещеніе,—1-й бой. Страху нѣтъ, но чувствуется сильное утомленіе, ноги ломитъ, во рту сухо. Солнце начало припекать. Вдругъ влѣво отъ меня раздался стонъ, а вслѣдъ за тѣмъ крѣпкое словцо. Ранили стрѣлка, Касима Чекашева. Онъ какъ-то съежился и сползъ за гребень; я крикнулъ фельдшера, и тотъ принялся за первую перевязку. Пуля попала Чекашеву въ лѣвый бокъ и прошла надъ бедромъ насквозь. Не успѣлъ я сдѣлать изъ его винтовки десятка выстрѣловъ, какъ онъ уже подползъ ко мнѣ и попросилъ отдать ему винтовку, подложилъ подъ нее скатанную шинель, примостился и съ прибаутками опять началъ стрѣлять. Цѣпи японцевъ подошли уже шаговъ на тысячу, но все-же видно ихъ плохо; по перебѣгающимъ стрѣляемъ частымъ огнемъ; выцѣливаютъ стрѣлки, желая мстить за рану товарища отлично, а усерднѣе всѣхъ самъ Чекашевъ. Опять слышатся остроты, но не надолго.

Раздается страшный трескъ, взвиваются камни и осколки вверхъ, падаютъ сверху на насъ, прыгаютъ по скалѣ внизъ; раздается еще и еще взрывъ, насъ окутываетъ дымъ, изъ разныхъ мѣстъ слышатся стоны, а снаряды, молчавшей до

сего времени, и не видимой нами, японской артиллеріи начинаютъ прилетать все чаще и чаще. Стрѣляютъ изъ полевыхъ орудій, откуда-то съ лѣвой стороны; полетъ снарядовъ страшно стремительный, а разрывъ чрезвычайно рѣзкій. Впечатлѣніе отъ этихъ первыхъ японскихъ гостинцевъ было ошеломляющее. Я съ ужасомъ замѣтилъ, что нѣсколько человѣкъ сползли къ низу и были уже въ половинѣ горы. Большинство-же стрѣлковъ какъ-то растерялись и даже прекратили стрѣльбу; я пробѣжалъ вдоль цѣпи, приказывая брать интервалы шаговъ по 5 на человѣка. Порядокъ быстро возстановился, и мы стали стрѣлять по приближающимся японскимъ цѣпямъ пачками, по шаговъ за восемьсотъ японцы окончательно перестали наступать на нашемъ фронтѣ, продолжая только осыпать насъ пулями, а шимозы замѣнили шрапнелью и то не частою. Около 2-хъ часовъ дня посланный мною съ донесеніемъ къ баталіонному командиру горнистъ Банниковъ вернулся и принесъ намъ приказаніе поскорѣй спуститься внизъ и отойти по лощинѣ обратно къ желѣзнодорожному мосту.

Пока я дѣлалъ распоряженія о подборкѣ ружей и снаряженія выбывшихъ изъ строя, показались японскія густыя цѣпи похожія на колонны, и я не утерпѣлъ, открылъ огонь залпами, а такъ какъ отличный результатъ былъ очень замѣтенъ, я не торопился уходить, тѣмъ болѣе, что артиллерія японцевъ замолчала, а цѣпи, бывшія передъ нами, не двигались. Но снизу съ нашей стороны стали долетать энергичные крики объ отходѣ, пришлось прекратить залпы и спускаться въ лощину, гдѣ повторилось то-же, что было при нашемъ входѣ въ нее. Откуда-то издалека насъ осыпали пулями; стрѣлки бѣгомъ направлялись къ повороту лощины, и у меня не хватило духу требовать, чтобы они отступали по уставу шагомъ, такъ какъ понималъ, что за этимъ поворотомъ они будутъ уже въ безопасности; самъ я съ горнистомъ Банниковымъ шелъ большею частью задомъ, повер-

нувшись лицомъ къ противнику, боясь изъ ложнаго стыда получить пулю сзади. У моста мы застали роты 2-го баталіона и остальныя нашего полка, тутъ же былъ и начальникъ дивизіи. Намъ приказали двигаться обратно къ станціи Кинъчжоу. Полкъ собрался на бивакъ, когда уже стемнѣло; никто, не исключая и командира полка, ясно не понималъ, почему мы отступили не дождавшись атаки японцевъ и не попробовали перейти сами въ наступленіе; позднѣе, правда, говорили, что генералъ Фокъ задержался здѣсь исключительно съ цѣлью выясненія силъ противника; насколько это было достигнуто точно сказать едва-ли можно, такъ какъ изъ донесеній вытекало, что передъ нами было 24 баталіона пѣхоты и 6 батарей, а подъ Кинъчжоу (чрезъ 10 дней) ихъ было уже много больше. Правда, что у насъ было всего 6 баталіоновъ, (15 и 16 полки пріѣхали по желѣзной дорогѣ изъ Артура только часа въ 2 дня) да и артиллеріи съ нами было всего 1 батарея, которая занявъ позицію на вершинахъ, понесла большія потери въ особенности въ офицерахъ (къ 2 час. дня офицеры были всѣ ранены). Въ нашемъ полку былъ убитъ 1 офицеръ (капитанъ Суворовъ) и 13 нижнихъ чиновъ, ранено офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 70. Наканунѣ (2 мая) у бухты Кэръ былъ убитъ 14-го-же полка подпоручикъ Сперанскій, выстрѣломъ съ японской канонерки. Этотъ первый бой указалъ нашей артиллеріи на необходимость держаться другой тактики, и съ этого дня батареи стали располагаться и стрѣлять съ закрытыхъ позицій.

Вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ; ежедневно происходятъ небольшія стычки нашихъ охотничьихъ командъ съ передовыми частями японцевъ. Мы укрѣпляемъ Кинъчжоусскую позицію. Они сосредоточиваются за горой Самсонъ, устанавливаютъ въ лощинахъ артиллерію крупныхъ калибровъ.

Кинъчжоусская позиція расположена на узкомъ перешейкѣ между заливами Кинъчжоу и Хунуэза и представляетъ собой рядъ возвышенностей, которыя сами по себѣ уже представляли затруд-

неніе для штурма, и здѣсь можно было создать грозную позицію, въ особенности при условіи принятія мѣръ къ обезпеченію фланговъ противъ дѣйствій японцевъ съ моря. Но эти, созданныя самою природою препятствія были укрѣплены лишь на столько, чтобы временно задержать противника. Были, правда, отлично сдѣланные окопы, закрытія и блиндажи, но только земляные; бетона, желѣза—не было. Вооружена позиція была по преимуществу старыми китайскими орудіями и вообще на нее смотрѣли, какъ на передовую позицію, что объяснялось возможностью появленія противника въ тылу, въ случаѣ быстрой высадки десанта въ необороненномъ порту „Дальнемъ“, что могло-бы повести къ отрѣзанію нашего отряда, назначеннаго оборонять Киньчжоу, — отъ Артура. Оборона этой позиціи была возложена на 5 Вост.-Сиб. стрѣлк. полкъ подъ командою полковника Третьякова.

АРТ. ИСТ. Музей ОКНА
БИБЛИОТЕКА

II.

«Бой за Киньчжоу».

Въ ночь съ 12-го на 13-е мая, во время сильнѣйшей грозы японцы начали наступленіе. Къ разсвѣту они овладѣли городомъ Киньчжоу, расположеннымъ въ 1-й верстѣ впереди позиціи и защищавшимся только одною ротою и охотниками 5-го полка. Съ 5-ти часовъ утра японцы открыли сосредоточенный огонь съ суши и съ моря по позиціи. Съ суши мы насчитали у нихъ свыше 120 (до 150) орудій, а въ западную бухту они ввели 4 канонерки и 6 миноносцевъ. Началась непрерывная, ни на минуту не смолкавшая канонада. Въ помощь 5-му В.-С. стрѣлковому полку были высланы по 1 баталіону отъ 13-го и нашего полковъ, остальные два нашихъ баталіона въ томъ числѣ и третій расположились вдоль полотна ж. д. у бухты Хунуэза. Составивъ резервъ, непосредственнаго участія въ бою мы не принимали, но картина неравнаго боя развернулась передъ глазами во всемъ ужасѣ. 56 нашихъ орудій разнаго калибра въ мгновеніе развили страшный огонь, но онъ быстро слабѣетъ и уже съ 11 часовъ дня у насъ изрѣдка раздастся выстрѣлъ орудія. Огонь же японскихъ орудій наоборотъ все усиливается и къ этому времени достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ. Нѣтъ клочка земли на позиціи, гдѣ бы въ любой моментъ не было столба черносѣраго дыма отъ разрыва гранаты, нѣтъ клочка неба надъ позиціею, не покрытаго бѣлымъ облачкомъ лопнувшей шрапнели. Нашъ баталіонный

командиръ подполковникъ Гусаковъ, участникъ Плевны, глядя на этотъ адъ, говоритъ намъ, что о подобномъ артиллерійскомъ огнѣ въ Турецкую войну они не имѣли и представленія. Подъ прикрытіемъ этого ужаснаго огня, пѣхота японцевъ густыми цѣпями и шеренгами подошла вплотную къ подошвѣ Сѣв.-Вост. возвышенности въ центрѣ позиціи, и двинулась на штурмъ.

Къ этому времени въ Восточную бухту Хунуэза вошла наша канонерка Бобръ и открыла съ успѣхомъ огонь по лѣвому флангу наступающихъ и тѣмъ задержала наступленіе. Стрѣльба съ этой же кононерской лодки, на нашихъ глазахъ разсѣяла не одну колонну японцевъ, выходившихъ изъза Самсона. Обратное было на нашемъ лѣвомъ флангѣ; тамъ японскія суда стрѣляли не только во флангъ, но и въ тылъ нашихъ позицій. Японцы, очевидно, зная, что на лѣвомъ флангѣ заложены фугасы, пошли въ обходъ по заливу, по плечи въ водѣ, но встрѣченные пачечнымъ огнемъ стрѣлковъ, до вечера не могли выбраться на берегъ и несли громадныя потери. Къ 1 часу дня большинство нашихъ орудій подбито; снаряды израсходованы. До 6 часовъ вечера всѣ штурмы японцевъ отбиваются уже только ружейнымъ огнемъ, штыками и взрывами фугасовъ; потери ихъ громадны; но изъ-за горы Самсонъ, какъ изъ мѣшка, появляются новыя и новыя колонны. На несчастье канонерка Бобръ почему-то ушла и непріятельская артиллерія почти безнаказанно начинаетъ опять уничтожать наши окопы гранатою и поражать людей шрапнелью. А какую громадную пользу могъ бы принести въ это время нашъ флотъ, если бы заставилъ непріятельскія миноносцы и кононерки удалиться изъ бухты, или хотя бы поддержалъ огнемъ.

Наша артиллерія уже почти молчитъ, бьетъ только непріятельская; сметаетъ окопы залпами гранатъ; нашъ гарнизонъ таетъ. Загораются патронные склады, деревянныя постройки, взрываются порохохранилища... все въ огнѣ. Японцы

нейстовствуютъ, развивая невозможный артиллерійскій огонь. На лѣвомъ флангѣ японцы уже въ нижнихъ окопахъ. Къ 7 часамъ вечера вопросъ объ отступленіи рѣшенъ, и съ наступленіемъ темноты роты съ громадными потерями оставили Киньчжоусскія возвшенности. Роты нашего баталіона разсыпали цѣпи для прикрытія отступающихъ, но японцы не преслѣдовали, и въ 10 часу всѣ части походнымъ порядкомъ отходили къ югу. Наши потери подъ Киньчжоу — убито и безвѣсти пропало офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 748; ранено офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 564; всего выбыло изъ строя 24 офицера и 1.312 ниж. чин. (на долю 5-го В.-С. стрѣлк. п. 22 оф. и 1.017 ниж. чин.). Японцы потеряли до 5.000, а по свѣдѣніямъ плѣнныхъ до 7.000 человѣкъ. Моей ротѣ, прикрывая отступленіе, отходить пришлось одной изъ послѣднихъ, и когда мы были уже верстахъ въ 4-хъ отъ оставленной позиціи, подъѣхавшій командиръ полка приказалъ вызвать желающихъ вернуться для подборки раненыхъ. Когда на мой вызовъ желающихъ откликнулось изъ роты 5—6 голосовъ, я поставилъ вопросъ иначе и спросилъ: „Всѣ желаютъ?“ и получивъ въ отвѣтъ дружное—„Такъ точно, всѣ“, скомандовалъ ротѣ „кругомъ маршъ“ и провожаемый благодарностью и благопожаланіями командира и офицеровъ, повелъ роту обратно. Надъ позиціею Киньчжоу и станціей Тафашинъ, гдѣ были взорваны при отступленіе сараи съ порохомъ, стояло зарево пожара. По мѣрѣ приближенія къ пожарищу на огненномъ фонѣ все ясньй и ясньй вырисовывались силуэты двигающихся и перебѣгающихъ людей. Навстрѣчу намъ попался офицеръ 16 полка (поручикъ Масловъ), который, узнавъ о нашемъ намѣреніи подобрать раненыхъ, сообщилъ, что это невозможно, такъ какъ японцы заняли уже Тафашинъ. Не особенно довѣряя этому сообщенію, я разсыпалъ на всякій случай полуроту въ цѣпь, и продолжалъ движеніе. Достигнувъ горящихъ зданій я убѣдился, что японцевъ нѣтъ, но за то китайцы грабили

во всю, раздѣвая нашихъ убитыхъ и добивая раненыхъ. Разогнавъ мародеровъ, мы случайно наткнулись на стоявшую на полотнѣ ж. д. вагонъ-платформу и стали на нее складывать тяжело раненыхъ и дѣлать перевязки, а могшихъ двигаться съ поддержкою одного, двухъ стрѣлковъ отправлять въ тылъ. Нагрузивъ платформу, я назначилъ 12 стрѣлковъ толкать ее, а самъ, собравъ роту, повелъ обратно по правой сторонѣ полотна. Былъ 1-й часъ ночи, когда мы уже приближались со своими ранеными къ посту „Перелетному“, гдѣ судя по кострамъ, былъ бивакъ. Оставалось пройти всего съ полверсты. Вдругъ раздался руженый выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, наконецъ, частая трескотня; пули свистятъ вблизи насъ, но не со стороны японцевъ, а со стороны нашего бивака, костры тамъ гаснутъ, безпорядочная стрѣльба усиливается. Я положилъ роту и приказалъ горнисту (Банникову) играть сигналъ 1-й ротѣ и „стой“. Стрѣльба по насъ продолжается; я приказываю двумъ горнистамъ одновременно играть всѣ наши сигналы, и только минутъ черезъ 20 стрѣльба стихла и мы могли продолжать движеніе; придя ни бивакъ мы не застали ни одного человѣка, кромѣ генерала Фокъ, да докторовъ, на переполненномъ ранеными, перевязочномъ пунктѣ. Принявъ насъ за японцевъ, а платформу съ ранеными за японскую кавалерію, всѣ въ безпорядкѣ стремились къ югу и были остановлены только у станціи Нангалинъ, а были и такіе, конечно одиночные нижн. чины, что удрали въ самый Артуръ.

Въ бою подъ Кинчьжоу японцы стрѣляли, между прочимъ, русскими снарядами. У меня въ книжкѣ донесеній зачерчена окружность шрапнельнаго стакана съ датами изготовки Обуховскаго завода; по величинѣ этотъ стаканъ соотвѣтствуетъ нашимъ, отъ полевыхъ орудій. Съ оставленіемъ Кинчьжоусской позиціи пришлось бросить и не защищенный городъ Дальній, на который затрачено было свыше 40 милліоновъ рублей, а японцы, занявъ его, пріобрѣли такія вы-

годы, какими не пользовалась кажется ни одна осадная армія съ сотворенія міра. Мы сами устроили превосходную базу для нашего врага вблизи крѣпости, на которую японцы давно точили зубы. Послѣ этого боя японцы сосредоточивались и устраивались на занятыхъ позиціяхъ цѣлый мѣсяцъ, и активныя дѣйствія съ нашей стороны, вѣроятно, были бы очень полезны, но проявить ихъ, по малочисленности гарнизона, было очень трудно и мы цѣлый мѣсяцъ ограничиваемся развѣдками и посылкою небольшихъ командъ въ сторону противника, который усиленно занятъ постройкою окоповъ на два фронта, подвозкою запасовъ, осаднаго парка и проч.

Наши войска расположились на горной позиціи поперекъ Квантуна. На правомъ флангѣ отъ моря до горы Куинсанъ были расположены около 3 баталіоновъ 7-й В.-С. стрѣлковой дивизіи. Въ центрѣ, отъ Куинсана до г. Юшилаза 4 баталіона 13 и 14 В.-С. стрѣлк. полковъ; лѣвый флангъ отъ Юшилазы до Суанцайгоу, заняли части 15 и 16 В.-С. стрѣлк. полковъ. Общій резервъ около 6 баталіоновъ былъ у Волчьихъ горъ. Артиллерія была распредѣлена такъ: на лѣвомъ флангѣ 24 орудія (7-го В.-С. див.), 6 орудій Барановскаго въ центрѣ, 4 орудія (его же) на правомъ флангѣ и 32 скорострѣльныхъ орудія 4-й В.-С. стрѣлк. арт. бриг. въ общемъ резервѣ.

Нашъ 3 баталіонъ 14 полка былъ раздѣленъ пополамъ, 11 и 12 роты съ командиромъ баталіона подполковникомъ Гусаковымъ ушли на гору Юшилазу, а моя и 10-я роты къ г. Куинсанъ, при чемъ на мою роту выпала задача оборонять перевалъ между Шининзою и Куинсаномъ, а на 10-ю роту оборона самой горы Куинсанъ. Съ этой высокой (саж. 170) горы мы вели наблюденіе за японцами. Съ нея отлично видно, какъ оживаетъ городъ Дальній.

Непрерывной лентой тянутся по возстановленной желѣзной дорогѣ длинные поѣзда. Къ бетоннымъ набережнымъ то и дѣло пристаютъ пароходы, тяжело нагруженныя баржи.

Задымили трубы механическаго завода, ночью горитъ электричество. Когда намъ плѣннымъ послѣ капитуляціи Артура, пришлось ходить чрезъ этотъ городъ Дальній, мы были поражены сдѣланными тамъ нашимъ врагомъ запасами. Громадные штабели снарядовъ, патроновъ, горы ящиковъ съ консервами, галетами для людей и лошадей, изумительные запасы фуража, дровъ, угля и проч. и проч. Замѣчательно, что всѣ эти запасы сложены въ поразительномъ порядкѣ, въ укупоренномъ видѣ, разсчитаны на перенесеніе съ одного на другое мѣсто однимъ человѣкомъ и снабжены для носки приспособленіями. Даже дрова связаны въ охапки и оставлены концы веревокъ для носки ихъ на спинѣ.

23 мая генералъ Стессель въ приказѣ объявилъ полученную отъ генерала Куропаткина телеграмму, въ которой между прочимъ было сказано: „Готовлю сильную выручку“. Не имѣя уже цѣлый мѣсяцъ вѣстей изъ Россіи и о дѣйствіяхъ Сѣверной арміи, мы радовались, какъ дѣти, что насъ не бросили, и что выручка будетъ; только смущалъ насъ слухъ о томъ, что у насъ мало снарядовъ. Ѣда была все еще хорошая, ѣли въ перемежку: мясо коровье, баранье, козлиное и солонину; послѣ Киньчжоу разрѣшено было забирать скотъ у китайцевъ, но съ обязательной уплатой денегъ по объявленнымъ цѣнамъ. Китайцы въ большинствѣ случаевъ продавали намъ свои запасы охотно, такъ какъ японцы вмѣсто денегъ выдавали имъ расписки.

III.

«Куинсанъ», высота «163» и «Юпилаза».

13-го іюня японцы двумя колоннами двинулись на правый нашъ флангъ. Къ вечеру ими была занята гора Куинсанъ и восточные отроги Лунвантаня. Этотъ день былъ днемъ недоразумѣній. Руководители отсутствовали; посылавшіеся изъ резерва роты въ поддержку къ намъ, не попадали по назначенію, какъ двѣ роты подъ начальствомъ подполковника М—на и двѣ роты подъ командою капитана М—ва; этотъ послѣдній, приведя по лощинѣ роты къ самой подошвѣ Куинсана, не только не повелъ роты вверхъ, гдѣ шелъ бой, но даже не послалъ сообщить, что пришла поддержка; Подполковникъ (Генеральнаго штаба) К — нинъ, проявлявшій очень много энергіи до наступленія японцевъ, заболѣлъ какъ только оно началось и уѣхалъ въ Артуръ. У насъ на Куинсанѣ было всего 2 пушчонки Барановскаго. Когда японская артиллерія открыла огонь по вершинѣ, одно изъ орудій тотчасъ было подбито, а другое само свалилось благодаря тому, что прислуга изъ пѣхоты по незнанію поставила орудіе близко къ краю скалы, и послѣ 2-го выстрѣла вслѣдствіе отката оно загремѣло внизъ.

За этотъ неудачный бой, капитанъ Л. нашего полка, командиръ 10-й роты былъ преданъ военному суду за оставленіе безъ приказанія горы Куинсанъ и приговоренъ къ исключенію изъ службы и содержанію въ крѣпости на 2 года. Но онъ не дождался исполненія приговора и умеръ въ октябрѣ отъ разрыва сердца.

Съ разсвѣтомъ 20 іюня на правомъ флангѣ наши части перешли въ наступленіе и атаковали японцевъ на позиціяхъ у Зеленыхъ горъ, и выс. 93. Атака увѣнчалась успѣхомъ, японцы быстро отступили и позиціи остались за нами.

Въ ночь съ 20-го на 21-е іюня охотничьимъ командамъ 13 и 14 полковъ приказано было идти на штурмъ злосчастной горы Куинсанъ; начальствовать этими командами вызвался адъютантъ штаба дивизіи поручикъ Ясевичъ; 9-я же и 10-я роты нашего полка подъ моей командою назначены были въ резервъ къ этимъ командамъ. Но вышло наоборотъ, роты пошли впереди, а поручикъ Ясевичъ съ охотниками сзади, ссылаясь на то, что онъ не знаетъ дороги, а приблизившись къ подошвѣ горы Куинсанъ, онъ предложилъ подниматься на вершину, гдѣ засѣли японцы, съ двухъ разныхъ сторонъ, чтобы вѣрнѣе былъ ударъ. Мы раздѣлились. Я повелъ свою 9-ю роту по хорошо знакомой тропинкѣ, а 10 роту назначилъ въ резервъ.

Вѣтеръ былъ на насъ, и мы незамѣченными подкрались почти къ самой вершинѣ. Прождавъ болѣе $1^1/_2$ часа атаки охотниковъ съ лѣвой стороны и боясь быть обнаруженными, т. к. луна то и дѣло очищалась отъ тучъ, и японскіе часовые уже начинали, что то покрикивать, я рѣшился броситься на штурмъ. Одинъ ихъ часовой безъ звука былъ схваченъ и убитъ, другой-же, какъ только на него навалились два моихъ стрѣлка, завизжалъ и успѣлъ сдѣлать выстрѣлъ; мы были обнаружены; блеснула линія огней, и по насъ затрещали ружья и пулеметы. Семь разъ мы бросались на штурмъ, но все безуспѣшно: японцы за недѣлю устроили такое высокое укрѣпленіе изъ камня съ отвѣсными стѣнами и бойницами въ два яруса, что взять намъ ихъ было не подъ силу. Подрывныхъ патроновъ у насъ конечно не было. Охотники появились слѣва только часа черезъ два; бросаемся еще вмѣстѣ съ ними, но съ тѣмъ-же результатомъ, а японцы къ трескотнѣ ружей и пулеметовъ приба-

вили еще ручныя бомбы. Надежда взять Кушисанъ пропала т. к. начало уже разсвѣтать, и насъ могли перестрѣлять всѣхъ прицѣльнымъ огнемъ.

Я отдалъ приказаніе забирать раненыхъ и спускаться внизъ. Потери въ моей ротѣ за ночь: 32 нижнихъ чина убитыхъ и раненыхъ. Что Кушисанъ былъ не по силамъ малому отряду подтвердилъ и слѣдующій день. Съ разсвѣта на него начали наступать 8 ротъ, и охотничьи команды нашего и 13-го полковъ, но результатъ былъ тотъ-же: Кушисанъ взятъ не былъ, только потери были значительно больше. За то правый нашъ флангъ въ этотъ день имѣлъ значительный успѣхъ, и къ вечеру японцы были оттѣснены отъ Луньвантаня, такъ что 13-й полкъ занялъ опять тѣ же позиціи, которыя занималъ до 13-го іюня; продвинулись впередъ и роты лѣвѣе Кушисана, сбивъ японцевъ съ высоты 131, гдѣ были захвачены японскія палатки, значки и шанцевый инструментъ. Не поддался только самъ Кушисанъ, отлично укрѣпленный японцами. По ихъ примѣру принялись и мы за укрѣпленіе нашихъ позицій. Изъ Артура стали пріѣзжать инженеры; выслали намъ инструменты, а то съ одной малой Линдемановской лопатой въ каменистомъ грунтѣ работы подвигались очень медленно.

Разрѣшили нанимать для работы китайцевъ. 2-й баталіонъ и 2 роты 3-го баталіона н. п., расположенные на высокомъ и длинномъ гребнѣ Каменистаго кряжа, отдѣленномъ отъ японцевъ громадной лощиной, принялись за постройку каменнаго редута на высотѣ въ „163“ сажени. Влѣво отъ насъ расположены до горы Юпилаза включительно, остальныя роты нашего полка; въ долинѣ, ближе къ бухтѣ Инчензы, гдѣ по предположеніямъ вѣроятнѣе наступленіе противника стоятъ 15 и 16 полки, а вправо отъ насъ, на такъ называемыхъ „Зеленыхъ“ горахъ и вплоть до моря 13-й полкъ и части изъ 7-й дивизіи. Японцы работаютъ преимущественно ночами и во время тумана, который здѣсь настолько густъ,

что буквально въ 3-хъ шагахъ нѣтъ возможности что-либо видѣть; лощина передъ нами во время тумана похожа на рѣку съ молокомъ вмѣсто воды. Днемъ наша полевая артилерія мѣшаетъ имъ работать, они-же насъ совершенно не безпокоятъ, вѣроятно, не желая показывать до поры до времени расположенія своихъ батарей, изъ ружья-же далеко не достанешь. Жизнь на позиціи становится неприглядиѣе, — перепадаютъ сильные дожди, питаніе ухудшается. Появляются, хотя и не въ эпидемической формѣ, болѣзни,—дезинтерія и холерина. А больше всего гнететъ неизвѣстность,—что дѣлается въ сѣверной арміи? Идетъ-ли къ намъ выручка? Мѣсяцъ прошелъ послѣ обѣщанія, а ея все нѣтъ. Да и долбленіе каменнаго грунта донимаетъ. 10-го іюля отъ генерала Стесселя, обходившаго позиціи, пришлось слышать, что японцы подбрасываютъ и присылаютъ черезъ китайцевъ прокламаціи и письма, въ которыхъ совѣтуютъ нижнимъ чинамъ бросать оружіе и сдаваться въ плѣнъ, гдѣ живется хорошо. Въ одномъ письмѣ говорилось: „...скоро мы будемъ въ П.-Артурѣ, приготовьте для насъ получше табль'д'отъ".

Съ 7 часовъ утра 13-го іюля японцы открыли огонь съ судовъ по нашимъ позиціямъ праваго фланга на „Зеленыхъ горахъ"; въ центрѣ-- по Каменистому кряжу, Шишинзинскому перевалу и горѣ Юшилазѣ—съ сухопутныхъ батарей, и на лѣвомъ флангѣ съ миноносцевъ, которые вошли въ бухту Инчензы. Наша полевая артиллерія отвѣчаетъ; заговорили и четыре 9-дюйм. мортиры, привезенныя изъ Артура и тщательно скрытыя у насъ на Каменистомъ кряжѣ. Моя рота расположена въ правой половинѣ каменнаго редута и въ примыкающемъ къ нему окопѣ. Артиллерійскій бой разгорается съ каждой минутой и къ 11 час. достигаетъ своего апогея. Японцы подъ прикрытіемъ огня подводятъ свои цѣпи и резервы и лѣзутъ на штурмъ. Штурмы отбиты и трескотня пулеметовъ и ружей опять заглушаются гуломъ орудій и разрывомъ массы снарядовъ. До самаго вечера бой

идетъ непрерывно. Но вотъ, какъ всегда здѣсь бываетъ, какъ-то сразу на землю спускается тьма, и бой вдругъ затихаетъ, только японскій часовой систематически черезъ каждые 5 минутъ дѣлаетъ выстрѣлъ изъ ружья въ теченіе всей ночи.

Въ 10 часу вечера, мы получили извѣстіе, что японцы на всѣхъ пунктахъ отбиты съ громаднымъ урономъ, и всѣ наши войска удержались на своихъ позиціяхъ. Какъ электрическій токъ пробѣжало это сообщеніе о нашей первой удачѣ. Съ удвоенной энергіей принялись мы исправлять разбитые и строить новые окопы и закрытія. Офицеры наравнѣ съ нижними чинами таскаютъ камни, лѣсъ; работаютъ лопатой. Ни о снѣ, ни объ ѣдѣ—думать некогда, хотя супъ въ боченкахъ, порціи и хлѣбъ для нижнихъ чиновъ были доставлены на вьючныхъ осликахъ часамъ къ 11. Ночь за непрерывной работой прошла чрезвычайно быстро. Въ половинѣ 5-го забрезжилъ свѣтъ, а ровно въ 5 раздался первый залпъ съ японской батареи, и бой, прерванный на ночь, начался съ новой силой. По нашему гребню бьютъ изъ 12 горныхъ пушекъ, поставленныхъ правѣе Кушсана и изъ 12-ти же орудій разнаго калибра до 6 дюйм. осадныхъ включительно. Эти послѣднія орудія стоятъ лѣвѣе Кушсана и могли бы обстрѣливать насъ во флангъ, но японцы такъ же, какъ и вчера увлеклись нашимъ сложеннымъ изъ камня редутомъ на „163“ высотѣ, теперь уже на половину разрушеннымъ, и продолжаютъ громить его. Къ 8 часамъ артиллерійскій бой усиливается. Японцы атакуютъ насъ и бросаются на штурмъ редута. Подталкивая и подсаживая одна шеренга другую, они по крутому скату подобрались уже къ лѣвой завалившейся сторонѣ редута, бросаются къ амбразурамъ и на окопы.

Вотъ появляется ихъ бѣлый съ краснымъ кругомъ флагъ, и ихъ артиллерія, великолѣпно подготовившая все для успѣха пѣхоты, переноситъ свой огонь на мѣстность позади

насъ, предполагая тамъ наши резервы, въ дѣйствительности не существовавшіе. Этотъ же японскій значекъ служитъ сигналомъ и для насъ.

Стрѣлки вылѣзаютъ изъ окоповъ, и изъ башни смерти— редута. Начинается рукопашный, но далеко не такой страшный, какъ съ бризантными снарядами, бой. Правда, что кровь, стоны и трупы вездѣ, идетъ какая-то свалка, не только штыки и приклады дѣйствуютъ, но пущены въ ходъ и камни и кулаки, теперь крики нашихъ „ура“ и японцевъ „уй-я“ смѣшались со стономъ умирающихъ и лязгомъ оружія. Въ головѣ и сердцѣ мнѣ кажется въ эти минуты абсолютная пустота, только глазами быстро разыскиваешь ненавистный желтый околышъ и какъ машина тыкаешь штыкомъ. Быстро всѣ забравшіеся кверху японцы—перебиты; которые уцѣлѣли бѣгутъ внизъ, но ихъ встрѣчаютъ пули и приклады своихъ-же, новыхъ спѣшащихъ подняться вверхъ, шеренгъ. Но уже поздно, штурмъ отбитъ. Опять загрохотали по насъ орудія, такъ что мы едва-едва успѣли оттащить своихъ раненыхъ (въ числѣ ихъ 3 офицера: шт.-кап. Кегель, поручикъ Владыковъ, и шт.-кап. Ваниковскій), и опять залегли подъ развалинами редута и въ окопахъ. Безпрерывные разрывы снарядовъ дѣлаютъ невозможнымъ наблюденіе за движеніемъ и группировкою противника. На несчастіе утренній свѣжій вѣтерокъ стихъ, и удушливый зеленный дымъ мелинитовыхъ снарядовъ окутываетъ насъ тяжелымъ облакомъ и кружитъ голову, вызываетъ тошноту. Къ 10 час. утра пѣхота противника опять подбирается къ нашей высотѣ. Лѣзутъ по трупамъ своихъ товарищей, трупы замѣняютъ имъ шпоры для ружей, а тѣ, что совсѣмъ уже близко сами ложатся въ позахъ убитыхъ. Наши раскусили эту хитрость и для вѣрности стрѣляютъ и въ трупы. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть такія тѣла, которыя напоминали рѣшето. На этотъ разъ цѣпи японцевъ значительно рѣже, и прежняго воодушевленія не видно; не дѣйствуетъ ободреніе и

отличный примѣръ, идущихъ впереди офицеровъ, нашъ огонь пачками почти въ упоръ обращаетъ въ безпорядочное бѣгство наступающихъ, и дѣло до вторичныхъ штыковъ не доходитъ.

Уцѣлѣвшіе скрываются въ разсѣлинахъ скалъ; поворачиваютъ и колонны, находящіяся еще внизу. Къ удивленію нашему по насъ перестаютъ стрѣлять и изъ пушекъ, и мы до вечера сидимъ въ покоѣ, въ разрушенныхъ окопахъ, только пулеметы нѣтъ-нѣтъ да и зататакаютъ, какъ только кто нибудь высунетъ голову.

Около 2-хъ часовъ дня я получилъ отъ начальника отряда капитана Тышкевича сообщеніе запискою слѣдующаго содержанія: — „Полковникъ Семеновъ съ „Зеленыхъ“ горъ доноситъ, что у васъ подъ самою вершиною „163“ высоты, за обрывомъ спрятались двѣ колонны японцевъ. Возлагаю на Васъ, какъ старшаго на этой вершинѣ, провѣрить это донесеніе и принять мѣры къ выбитію противника“. Сообщеніе это было совершенно невѣрно. Мы, занимая послѣ отбитаго штурма окопы, видѣли обратившихся въ бѣгство, уцѣлѣвшихъ японцевъ, преслѣдовали ихъ пачками и теперь конечно не ослабляли дальнѣйшаго наблюденія — по скату обращенному къ противнику не было движенія даже одиночныхъ людей, только раненые корчились отъ нестерпимыхъ страданій и оглашали воздухъ громкими воплями. Какія колонны могъ разсмотрѣть полковникъ Семеновъ, находясь отъ насъ не менѣе какъ въ 5 верстахъ, для всѣхъ насъ было непонятно. Для провѣрки сообщенія приходилось, выйдя изъ окопа проползти площадку шаговъ 30 и заглянуть подъ обрывъ. Вызвавшійся на это стрѣлокъ Тарасюкъ, не достигнувъ края площадки былъ убитъ. Вся площадка осыпалась пулями изъ 3-хъ пулеметовъ. За нимъ вызвался стрѣлокъ Кассимъ Чекашевъ, уже награжденный за сраженіе 3-го мая Георгіевскимъ крестомъ. Я снабдилъ его биноклемъ и направилъ шаговъ на 100 правѣе. Чекашевъ, какъ кошка,

перескочилъ черезъ валикъ окопа и кубаремъ покатился по крутому скалистому берегу оврага въ сторону противника. Прошло не менѣе часа и я считалъ уже погибшимъ и Чекашова. Но вотъ онъ появляется уже съ лѣвой стороны разрушеннаго редута, пробирается ко мнѣ въ окопъ и докладываетъ, что никакихъ японцевъ поблизости нѣтъ, кромѣ убитыхъ, этихъ, правда, много:—а еще, говоритъ, „Позвольте доложить, я высмотрѣлъ куда они свои пулеметы запрятали, одинъ вотъ въ той фанзушкѣ и, кажись два въ тѣхъ кустахъ“. Съ запискою отправилъ я Чекашова къ командовавшему по близости нашими мортирами поручику Корзунъ, который очень быстро обстрѣлялъ по указанію посланнаго — и пулеметы замолкли.

До самой темноты насъ на вершинѣ „163“ высоты уже не безпокоили. Въ сторонѣ-же г. Юпилазы и на Зеленыхъ горахъ бой не прекращается. Слышенъ грохотъ орудій, трескотня ружей и татаканье пулеметовъ.

Выславъ секреты и дозоры, мы опять принимаемся за исправленіе разрушеннаго. Въ моей ротѣ за день 4 н. ч. убито и 36 ранено; въ томъ числѣ 8 унтеръ-офицеровъ и фельдфебель. На всемъ фронтѣ за 14 іюля потери до 2-хъ тысячъ человѣкъ, у японцевъ отъ 8 до 12 тыс. Часовъ въ 10 получаемъ приказъ генерала Стесселя съ поздравленіемъ за отличный 2-хъ дневный бой. Японцы на всѣхъ пунктахъ отбиты, понесли громадныя потери и не подвинулись ни на шагъ. Громкое „ура“ оглашаетъ позиціи, съ тыла доносятся звуки гимна. Настроеніе приподнято. Работа кипитъ, готовимся къ завтрашнему штурму. Но мнѣ не пришлось уже руководить ни ночными работами, ни ротою въ бою слѣдующаго дня на томъ мѣстѣ, гдѣ я просидѣлъ почти цѣлый мѣсяцъ и зналъ каждый выступъ скалы. Въ двѣнадцатомъ часу принесли мнѣ отъ командира полка предписаніе немедленно отправиться на гору Юпилазу и вступить въ командованіе нашимъ (3) баталіономъ вмѣсто уби-

таго подполковника Гусакова. Какъ я уже говорилъ, нашъ баталіонъ былъ съ Киньчжоусскаго боя раздѣленъ: 9 и 10 роты были здѣсь на Каменистомъ кряжѣ, а 11 и 12-я на Юпилазѣ, верстахъ въ 4-хъ по прямой линіи отъ насъ. Почему именно командиръ полка находилъ присутствіе, вступающаго во временное командованіе батальономъ, необходимымъ именно при тѣхъ двухъ ротахъ я рѣшительно не понималъ, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно, что я въ мѣстности горы Юпилаза не былъ, и, явившись ночью во время сраженія, былъ бы въ очень затруднительномъ положеніи и вѣрнѣе безполезнымъ. Тѣмъ не менѣе наскоро передавъ командованіе ротою болѣзненному офицеру 2-го баталіона поручику Б. и спустившись внизъ, отправился къ мѣсту назначенія. Проѣзжая по лощинѣ мимо деревни Шинизы въ одной изъ китайскихъ фанзъ, я увидѣлъ свѣтъ, и, узнавъ, что здѣсь живетъ нашъ командиръ полка, зашелъ къ нему съ просьбою оставить меня при ротѣ, а командиромъ баталіона назначить одного изъ 5-ти старшихъ меня капитановъ, но командиръ остался непреклоннымъ, и я пожалѣлъ, что потратилъ время. Уже начинало разсвѣтать, когда я добрался до деревни Талингоу, стоящей въ котловинѣ, у подошвы горы Юпилаза. Людей не видно, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ санитаровъ, роющихъ могилы, да уложенныхъ рядомъ убитыхъ. Надъ гребнемъ рвется шрапнель. Я слѣзъ съ лошади, спрашиваю не знаютъ-ли гдѣ расположены роты 14-го полка? Говорятъ, что всѣ стрѣлки наверху, но гдѣ именно, не знаютъ. Карабкаюсь вверхъ. Пока долѣзъ, стало почти совсѣмъ свѣтло. Окликаю людей, стоящихъ въ убогомъ закрытіи; оказываются охотниками 15-го полка; „гдѣ 14-го?..“ — не знаютъ. — „Вчера были съ нами, а къ вечеру ихъ куда-то продвинули“. Вотъ тутъ и вступай въ немедленное командованіе баталіономъ. Пробираюсь отъ одного окопа къ другому, а моихъ все нѣтъ; наконецъ мнѣ начальникъ охотничьей

команды 15-го полка посовѣтовалъ спуститься въ Талингоу, гдѣ въ средней фанзѣ долженъ находиться отрядный адъютантъ. Спустился, живо нашелъ среднюю фанзу и, войдя туда, услыхалъ ужасную вѣсть. Адъютантъ только что принялъ телефонную депешу изъ штаба укрѣпленнаго района и передавалъ теперь ее по телефону-же на вершину Юпилазы коменданту подполковнику Гандурину. Въ телефонограммѣ сообщалось, что японцы ночью заняли Семафорную и Сигнальную сопки на Зеленыхъ горахъ и правый флангъ отступилъ. Всѣмъ войскамъ приказано отходить на Вэлчьи горы, причемъ отступленіе начать съ полученіемъ депеши. Горько и обидно было, что два дня отлично отражавшіеся штурмы свелись всетаки къ нашему отступленію на третій день. Части въ назначенномъ порядкѣ, одна за другой, спускаются внизъ, занимаютъ тыловыя сопки и открываютъ огонь по взбирающимся на оставленныя нами позиціи японцамъ. Всѣ увѣрены, что они будутъ преслѣдовать, но и на этотъ разъ довольные успѣхомъ, японцы ограничились засыпаніемъ нашего пути артиллерійскими снарядами, преимущественно шрапнелью. Мнѣ такъ и не пришлось вступить въ командованіе баталіономъ. Въ той же деревушкѣ командиръ полка объявилъ мнѣ, что онъ согласно моей просьбы назначилъ командиромъ нашего баталіона старшаго капитана Богданова. Потери наши за эти 3 дня были—убито: офицеровъ 7, нижн. чин. 248; ранено офицеровъ—47, нижн. чин. 2.066. Отойдя версты 3, части свернулись въ походныя колонны, т. к. японцы перестали насъ безпокоитъ, а у станціи 11-й версты мы уже проходили мимо генерала Стесселя подъ музыку церемоніальнымъ маршемъ. Нашъ полкъ миновалъ Волчьи горы и сталъ не доходя П.-Арт. версты ¼, бивакомъ. Въ первые съ 3-го мая мы попали въ резервъ, и были очень рады этому. Полная невозможность заснуть хотя на 10 минутъ въ теченіе свыше 60-ти часовъ, физическое и нравственное утомленіе сдѣлали то, что едва успѣли

составить ружья, какъ всѣ повалились и заснули. На другой день (16) мнѣ удалось съѣздить въ Портъ-Артуръ навѣстить своихъ раненыхъ, хотя разыскивать ихъ пришлось по всѣмъ 10-ти госпиталямъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ уже не засталъ въ живыхъ, въ томъ числѣ великолѣпнаго унт.-оф. Викентія Галицкаго. Сунулся было съ цѣлью ознакомиться съ устройствомъ, на одинъ изъ фортовъ, но меня туда безъ билета не пустили, а билета достать не удалось, т. к. пришелъ въ штабъ крѣпости, конечно, какъ разъ во время отдыха начальника штаба (полковн. Хвостовъ). Странно, что китайцы-прачки, китайцы-торговцы ни въ какихъ билетахъ не нуждались, и имѣли входъ на всѣ форты безпрепятственный. Вмѣсто осмотра фортовъ попалъ на погребеніе своего баталіоннаго командира подполковника К. С. Гусакова. Съ нимъ вмѣстѣ хоронили изъ той-же часовни еще 3-хъ офицеровъ и 10 н. ч. Эти послѣдніе гробовъ не имѣли, и были только завернуты и зашиты въ коленкоръ; перевозка ихъ на кладбище въ артельныхъ телѣгахъ по три трупа производила непріятное впечатлѣніе, тогда какъ закапываніе убитыхъ на позиціяхъ въ общую могилу безъ всякихъ обрядовъ казалось естественнымъ.

Отдыхать въ резервѣ намъ пришлось недолго; на другой-же день (17 іюля) въ 4-мъ часу утра мы были разбужены артиллерійской пальбой, слышавшейся въ сторонѣ Волчьихъ горъ. Нашъ баталіонъ былъ высланъ сейчасъ же въ поддержку на передовыя позиціи. Пройдя съ версту, намъ стали попадаться бѣгущіе одиночные люди, а дальше цѣлыя партіи. Японцы за ночь по высокому, густому гаоляну подкрались къ расположенной въ плохихъ окопахъ на Волчьихъ горахъ 2-й ротѣ 13-го полка и застигли ее врасплохъ на столько, что почти безъ сопротивленія заняли центръ и открыли продольный огонь. Полки (13 и 16) отступили и вмѣстѣ съ нами заняли уже ближайшія къ Артуру мелкія сопки и огнемъ задерживали наступленіе про-

тивника до 7 часовъ вечера, пока наши войска расположились въ фортахъ, укрѣпленіяхъ, редутахъ и капонирахъ крѣпости. Причиной столь быстраго очищенія Волчьихъ горъ слѣдуетъ считать кромѣ гаоляна, который былъ выше роста человѣка и скрывалъ пѣхоту и горныя батареи японцевъ, еще и 1) несоразмѣрность длины позиціи съ количествомъ назначенныхъ для защиты войскъ; 2) очень плохіе окопы въ ростъ, съ отвѣсными стѣнками и настолько глубокіе, что стрѣлять изъ нихъ было очень трудно и 3) наше нежеланіе втягиваться въ упорный бой почти подъ самыми крѣпостными верками. Наши потери 17-го іюля—офицеровъ 15, нижн. чин. 841.

IV.

«Въ резервѣ».

Была уже совершенная ночь, когда роты нашего полка вошли, миновавъ линію крѣпостныхъ верковъ, въ старый городъ Портъ-Артура. Всѣ сознаютъ, что наступаетъ послѣдній періодъ, теперь отступать уже некуда. Бодрое настроеніе войскъ не ухудшается. Мы такъ много слышали о непреступныхъ твердыняхъ крѣпости, что надежда на задержаніе противника, пока явится обѣщенная выручка, крѣпнетъ, обращается въ увѣренность; вѣдь теперь мы будемъ не въ убогихъ окопахъ, а за такими стѣнами, что никакой снарядъ ихъ не пробьетъ, а главное, что теперь не придется расходовать силы на выдалбливаніе въ каменномъ грунтѣ окоповъ, закрытій. Полкъ нашъ, по диспозиціи (первой и послѣдней по крайней мѣрѣ до меня дошедшей) назначенъ былъ въ резервъ, и расположился въ казармахъ 10-го полка, стоявшаго здѣсь до войны, вблизи стараго города у подошвы Драконова хребта. Насколько готова была крѣпость къ упорной оборонѣ, я отчасти уже говорилъ въ первой части сообщенія. Теперь-же скажу подробнѣе. Съ слѣдующаго дня по приходѣ въ Артуръ мы наткнулись на массу недодѣланнаго. Объѣзжая позиціи мы видѣли, что всѣ укрѣпленія сравнительно съ тѣми, что строили мы на передовыхъ позиціяхъ, были, конечно, отличныя, но рядомъ съ этимъ намъ бросались въ глаза большія открытыя пространства, на которыхъ не было даже и простыхъ окоповъ.

Чтобы попасть въ капониръ, на редутъ, фортъ — приходилось пройдти по совершенно открытому для взора противника пути. Большинство укрѣпленій было временнаго типа. Бетонъ на пространствѣ, на которое впослѣдствіе обрушились всѣ атаки японцевъ, былъ только на фортахъ № 2 и 3 и укрѣпленіи № 3. Что же касается передовыхъ пунктовъ на Сягушанѣ, Дагушанѣ, Дивизіонной, Высокой и другихъ горахъ, то тамъ были тѣ-же полевыя окопы, а на первыхъ двухъ даже хуже тѣхъ, что строили мы. За основною линіею обороны была „Центральная ограда“, вѣроятно, еще китайской работы, т. к. во многихъ мѣстахъ имѣла видъ бутафорскій, и напоминала именно тѣ бревенчатыя стѣны съ воротами и бойницами, какія мы видимъ на сценѣ, а главное, что эта ограда, примыкая къ старому городу, лежащему какъ я уже говорилъ, на низкомъ берегу, съ любой изъ впереди лежащихъ возвышенностей могла разстрѣливаться, какъ угодно. Мнѣ кажется, что эта ограда была-бы серьезнымъ препятствіемъ только для пьяныхъ матросовъ да воровъ, а никакъ не для японцевъ. Ходовъ сообщенія я не видѣлъ нигдѣ. Китайская глинобитная стѣнка, сыгравшая въ послѣдствіи видную роль, бойницъ не имѣла. Кухонь и отхожихъ мѣстъ, кромѣ какъ на бетонныхъ сооруженіяхъ не было. Блиндажей и казематовъ было недостаточно. Самый городъ не отличался чистотою, а въ особенности въ этомъ отношеніи страдалъ раіонъ казармъ, въ которыхъ расположился нашъ полкъ. Съ слѣдующаго же дня началась посылка командъ на работы по приведенію въ порядокъ всѣхъ недоточетовъ, но ихъ было такъ много, что къ началу штурмовъ не было исполнено и четверти. Благодаря тому, что полкъ нашъ попалъ въ резервъ, мнѣ удалось нѣсколько разъ съѣздить въ городъ, побывать самому и сводить роту въ баню, впервые съ апрѣля мѣсяца. Настроеніе гражданъ, не успѣвшихъ выѣхать изъ Артура — угнетенное; распространяется масса нелѣпыхъ слуховъ, которые, достигая до

насъ, производятъ нежелательное впечатлѣніе не только на нижн. чин., но и на многихъ офицеровъ. Выходитъ по этимъ слухамъ, все какъ то такъ, что у нашего врага все замѣчательно хорошо, а у насъ на оборотъ все никуда не годится. Тактика японцевъ всѣмъ кажется такою ясною и простою; имъ такъ легко достается побѣда, что вопросъ о взятіи Артура, вопросъ только нѣсколькихъ дней. Назначается даже число (28 іюля) когда П.-Артуръ послѣ бомбардировки съ суши и съ моря будетъ взятъ японцами. Какъ рельефно обрисовываются теперь характеры—одни видятъ, слышатъ и говорятъ только объ успѣхахъ японцевъ; другіе въ меньшемъ числѣ—только о нашихъ удачахъ, и очень немногіе относятся скептически и къ тѣмъ и другимъ и разсуждаютъ спокойно. Удалось мнѣ побывать на броненосцѣ „Ретвизанѣ“ и тамъ слышать грустную повѣсть о гибели миноносца „Лейтенантъ Бураковъ“, который благодаря быстроходности былъ связующимъ звеномъ отрѣзаннаго Артура съ остальнымъ міромъ. Вернувшись изъ послѣдней поѣздки на сѣверъ, „Лейтенантъ Бураковъ“ былъ назначенъ на ночное дежурство у бухты Тахе. Японцы караулили его и ночью съ моря открыли по нему огонь, впослѣдствіи оказавшійся холостымъ, а въ это время вдоль берега подкрался японскій катеръ и пустилъ двѣ мины, одной изъ нихъ „Лейтенантъ Бураковъ“ былъ переломленъ и затонулъ въ бухтѣ. Такого быстроходнаго миноносца больше не было и сообщеніе стало еще затруднительнѣе. Каковы были запасы интендантства съ точностью я сказать не могу. Чего было много, такъ это ржаной муки и въ черномъ хлѣбѣ недостатка мы не ощущали до послѣдняго дня. Мясо коровье, баранье, козлиное и солонина въ іюлѣ для насъ (пѣхоты) кончилось, и мы перешли на конское, которое выдавали сначала по полфунта ежедневно, а послѣдніе два мѣсяца по $^1/_4$ фунта и то по два раза въ недѣлю. Масла и сала хватило только

на августъ; коренья и зелень въ августѣ тоже кончились, и супъ варился изъ однихъ китайскихъ бобовъ, съ прибавкою уксуса. Запасы частныхъ магазиновъ къ нашему приходу въ Артурѣ были очень незначительны; мирные граждане подѣлали себѣ запасы, и намъ припедшимъ съ передовыхъ позицій достались только дорогіе консервы съ большой рыбой. Цѣны на все были уже тройныя; пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ только магазинъ экономическаго общества офицеровъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

25-го іюля (въ воскресенье) прилетѣла въ городъ 1-я японская граната. Это было какъ разъ во время совершавшагося на базарной площади молебствія о спасеніи отъ бѣдствій осаднаго времени и ниспосланіи побѣды. Съ этого дня и началось почти ежедневное долбленіе города, пока еще некрупными, 6 дюймовыми снарядами, а съ ними начались и пожары. Сгорѣлъ складъ машиннаго масла, каменнаго угля, инженернаго имущества. Каждый день пожары. Бороться съ огнемъ трудно, такъ какъ японцы только замѣтятъ клубы дыма, учащаютъ стрѣльбу по этому мѣсту и мѣшаютъ работать пожарнымъ. Паденіе снарядовъ распредѣляется преимущественно въ мѣстности портовыхъ мастерскихъ и дока. Наши батареи открываютъ тоже огонь. Стрѣляютъ и съ судовъ. Снаряды проносятся надъ нами и надъ позиціями, а каково ихъ дѣйствіе, узнать подробно не приходится. Вообще мы знаемъ очень мало, даже и изъ того, что совершается на позиціяхъ. А тамъ уже съ 18-го іюля японцы начали подготовку къ штурмамъ. Идетъ бомбардировка горъ Дагушаня и Сяогушаня, нашихъ передовыхъ пунктовъ. 25-го іюля огонь японцевъ по этимъ пунктамъ былъ силенъ и достигалъ 20-ти разрывовъ въ минуту. Отчаянное сопротивленіе, оказанное 16 полкомъ на Дагушанѣ въ теченіе недѣли, было все-же сломлено, и 27 іюля, потерявъ до 50% нижн. чин. и всѣхъ офицеровъ, пришлось уступить оба передовые

пункта передъ правымъ флангомъ позицій. Японцы наступали на Дагушань 8-ю полками. Здѣсь погибъ геройской смертью капитанъ Курковскій; онъ былъ поднятъ японцами на штыки. Занятіе Дагушаня для японцевъ было важно въ томъ отношеніи, что съ него можно было вести наблюденіе за всѣмъ нашимъ С.-В. фронтомъ. Съ него было видно дорогу и даже лощины, проходившія за укрѣпленіями. А за нимъ они могли скрываться, и дѣйствительно впослѣдствіе скрывались, отрядами до 2-хъ полковъ, тамъ у нихъ былъ штабъ, тамъ-же они поставили двѣ изъ 26-ти одиннадцати дюймовыхъ гаубицъ.

28-е іюля, день, въ который долженъ былъ по предсказаніямъ пасть Артуръ, на оборотъ ознаменовался важнымъ событіемъ; вся наша эскадра въ составѣ 6 броненосцевъ, 4 крейсеровъ и 8 миноносцевъ рано утромъ задымила и къ 8 часамъ утра вышла изъ своего любимаго Восточнаго бассейна въ открытое море, направилась къ Югу, и скоро скрылась изъ нашихъ глазъ. Никто изъ насъ не зналъ цѣли выхода ея, но всѣ были пріятно удивлены, такъ какъ уже съ Кинчьжоу мы не видѣли отъ нея помощи. Только въ пристрастной газетѣ „Новый край“ чуть-ли не каждый день приходилось читать о никому невѣдомыхъ громадныхъ заслугахъ и подвигахъ эскадры. Мѣсто стоянки облюбовали также и японцы и направляли выстрѣлы именно въ Восточный бассейнъ и были уже попаданія въ суда;—въ Цесаревичъ попала одна граната, въ Ретвизанъ 4, правда не причинивъ особеннаго вреда. Съ уходомъ эскадры оставшіеся номерные миноносцы стали тоже смѣлѣе, вышли къ бухтѣ Тахэ и обстрѣляли лощины впереди Дагушаня и Сяогушаня, но показавшіеся у бухты Сяобиндао японскія канонерки заставили ихъ довольно скоро вернуться на рейдъ. Ночь на 29 іюля прошла на позиціяхъ довольно спокойно, а рано утромъ ничего не понимая мы съ грустью наблюдали, какъ въ Восточный бассейнъ возвращались на старыя

мѣста Ретвизанъ, Пересвѣтъ, Севастополь, Полтава, Побѣда и Паллада со сбитыми мачтами и стеньгами, съ поломанными трубами. Мало-по-малу отъ моряковъ узнали, что имъ было приказано прорваться во Владивостокъ или погибнуть въ бою. Но вслѣдствіе того, что адмиралъ Витгефтъ во время сраженія былъ убитъ, принявшій начальство надъ эскадрой адмиралъ Ухтомскій подалъ сигналъ „Слѣдовать за мною“ и направился въ тихую пристань Артура. Всѣхъ удивляло, что на судахъ присутствовало нѣсколько дамъ—женъ моряковъ, которыя едвали могли воодушевлять во время боя своихъ супруговъ. Газета „Новый край“ все-таки на другой день нашла возможнымъ напечатать, что наша эскадра—„вновь покрыла себя неувядаемой славой“.

Съ 1-го августа начались атаки передового пункта противъ нашего лѣваго фланга на горѣ Угловой. Двое сутокъ не смолкали выстрѣлы, и на третьи наши оставили гору. Когда же японцы взобрались на нее и стали устраиваться, были взорваны фугасы, и японцы, понеся большія потери, бросились назадъ, и гора опять была занята нашими.

3-го августа стрѣлять начала наша батарея съ Золотой горы, но непріятель не отвѣтилъ. Не слышно пальбы и на позиціяхъ. Скоро объяснилось это тѣмъ, что японцы выслали парламентера съ предложеніемъ намъ сдаться. Прежде всего изъ-за сопокъ показались люди съ бѣлыми флагами на длинныхъ шестахъ, когда наши прекратили огонь, на Мандаринской дорогѣ появилась группа японскихъ всадниковъ, впереди офицеръ и за нимъ 4 нижн. чина, одинъ изъ нихъ былъ съ бѣлымъ-же флагомъ, остальные трубачи. Это были очевидно отборные люди, рослые, красивые, отлично одѣтые и на хорошихъ коняхъ. Не доѣзжая до нашихъ сторожевыхъ постовъ, они остановились и къ нимъ вышелъ нашъ начальникъ сторожевого участка капитанъ Лавровъ, съ горнистомъ и посыльнымъ. Японскій офицеръ на отличномъ русскомъ языкѣ высказалъ, что онъ желаетъ передать пакеты

главному начальнику крѣпости. По телефону сообщили объ этомъ въ штабъ укрѣпленнаго раіона и около 10 часовъ утра сюда пріѣхалъ нашъ начальникъ штаба, полковникъ Рейсъ, которому японецъ передалъ 2 пакета.—1 для ген. Стесселя, другой начальнику эскадры. Содержаніе 1-го на англійскомъ и японскомъ языкахъ передавала такъ: „Защитники Артура удивили своей храбростію не только японцевъ но и весь міръ. Такъ какъ теперь Артуръ больше держаться не можетъ, во избѣжаніе излишняго кровопролитія, тѣмъ болѣе, что остановить бои въ нужную минуту будетъ невозможно,—предлагаемъ сдать его, на почетныхъ условіяхъ. Для окончательныхъ переговоровъ будемъ ожидать представителя съ полномочіемъ до первой минуты одиннадцатаго часа слѣдующаго дня". Ком. 3 яп. арм. *Ноги.*

На другой день въ приказѣ генералъ Стессель объявилъ: „Дерзкій врагъ предлагалъ сдаться. Каждый понимаетъ, какой отвѣтъ могли дать русскіе генералы. Предложеніе отвергнуто, готовьтесь драться со врагомъ за родину, за обожаемаго Государя... Ура!!!". Отвѣтъ передалъ, какъ было условлено, въ 10 час. утра адъютантъ штаба капитанъ Головань, также въ пакетѣ. Черезъ часъ послѣ врученія отвѣта началась бомбардировка города и пальба на позиціяхъ, теперь уже не прекращавшаяся до конца осады.

6-е августа, день полкового праздника 14-го В.-С. стрѣлковаго полка, было началомъ жестокихъ штурмовъ. Въ шестомъ часу утра наши роты стягивались на казарменномъ плацу для репетиціи парада. Безъ репетиціи и на войнѣ не обошлось. На позиціяхъ уже грохотали орудія. Изъ города показался верхомъ генералъ Стессель; я, какъ дежурный по полку, подошелъ съ рапортомъ. Генералъ Стессель поздравилъ полкъ съ праздникомъ и просилъ передать командиру полка, чтобы его не ожидали, такъ какъ онъ ѣдетъ на позиціи, гдѣ японцы штурмуютъ Угловую и редуты № 1 и 2—„Самыя слабыя наши мѣста" добавилъ онъ и поскакалъ

по направленію, откуда слышалась пальба. У насъ, ускореннымъ темпомъ, при принесенныхъ хоругвяхъ изъ единственной церкви Артура, переѣхавшей уже въ собраніе казармъ, такъ какъ нѣсколько снарядовъ попало въ церковь, совершается молебствіе, послѣ котораго генералъ Фокъ поздравляетъ полкъ и говоритъ, что отъ Куропаткина пришла вѣсть, что подъ Ляояномъ японцы потерпѣли сильное пораженіе, что выручка въ половинѣ августа будетъ у насъ. Громкое „ура“ заглушаетъ трескъ выстрѣловъ и разрывовъ гранатъ. Проходимъ церемоніальнымъ маршемъ и на обѣдъ получаемъ настоящую порцію коровьяго мяса; это была послѣдняя. Громъ орудій не помѣшалъ полковому оркестру исполнить нѣсколько музыкальныхъ номеровъ съ „барыней и комаринскимъ“ включительно, а стрѣлкамъ поплясать. Сознанье, что на позиціяхъ идетъ бой, умираютъ товарищи, не исключаетъ возможности этой пляски. До насъ еще не дошла очередь умирать, можетъ быть, завтра уже не запляшемъ.

Пребываніе въ резервѣ (по моему по крайней мѣрѣ) гораздо хуже нахожденія на позиціяхъ. Тамъ задача ясна:— пока живъ—сражайся. Въ резервѣ будь готовъ каждую минуту тронуться туда, гдѣ понадобится поддержка; сообрази, гдѣ и какъ провести людей, чтобы добраться до этого мѣста, не теряя стрѣлковъ и времени, а сдѣлать это не такъ просто. Мѣстности не знаешь, картъ и плановъ никакихъ, ходовъ сообщенія, какъ я уже говорилъ, не сдѣлано, а главное не видишь врага, а только слышишь этотъ несмолкаемый трескъ и гулъ, и ровно ничего не знаешь, что тамъ происходитъ. Всю ночь на 7-е и 8-у августа слышатся ружейныя пачки и пулеметы. Взвиваются ракеты; снопы свѣта прожекторовъ перерѣзываютъ одинъ другой. Съ разсвѣтомъ открываетъ огонь опять артиллерія.

V.

«Ночной штурмъ».

Въ 12 часовъ дня 8-го августа нашему 3-му баталіону приказано двигаться въ поддержку къ Заредутной батареѣ. Такъ какъ весь путь обстрѣливается японской шрапнелью, идемъ по-ротно. Благополучно добрались до горы Большое Орлиное гнѣздо, за нею сейчасъ же Заредутная батарея, оставалось пройти всего шаговъ 300, и вотъ на этомъ пространствѣ три роты (т. к. 12-ая по счастливой случайности сильно отстала) мы потеряли убитыми и ранеными 2-хъ офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ, и это, не вступая въ бой и не видя противника. Наше движеніе было ими замѣчено съ Дагушана; очевидно, они просигнализировали на свои батареи, которыя и засыпали всю мѣстность позади Орлинаго гранатой крупнаго калибра и шрапнелью. Моя рота потеряла 3 убитыми, 27 ранеными и 2 ушибленныхъ. Вся тяжесть бомбардировки и штурмовъ, начавшихся еще раннимъ утромъ 6-го августа, обрушилась на плохенькіе редуты № 1 и 2-й и открытый капониръ. Этотъ послѣдній японцы 1-й день совсѣмъ игнорировали и только когда съ него было сдѣлано изъ полевого орудія два выстрѣла, по появившейся изъ деревушки колоніѣ, капониръ былъ включенъ въ число штурмуемыхъ пунктовъ.

Трудно передать, какое разрушеніе произвели здѣсь въ продолженіи трехъ сутокъ японскіе снаряды. Почти всѣ окопы сравнялись съ поверхностью. Изъ блиндажей уцѣлѣлъ одинъ,

въ него и сносили раненыхъ, убитые остаются лежать совмѣстно съ живыми, отстрѣливающимися на открытыхъ мѣстахъ. Уносить на перевязочные пункты нѣтъ возможности, да и некому. Редуты въ теченіе 8-го августа переходятъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, на ночь отстаются все-таки за нами. Утромъ 9-го переходятъ опять къ противнику.

Изъ 630 человѣкъ защищавшихъ редуты и капониръ у насъ выбыло 413 человѣкъ. Утромъ 10-го августа нашъ 1-й баталіонъ пошелъ отбирать занятые японцами редуты, но потерявъ всѣхъ ротныхъ командировъ (1 убитъ и 3 ранены) и болѣе половины (64%) всего состава нижнихъ чиновъ, отошелъ за Заредутныя горы. Нашъ 3-й баталіонъ отвели къ Курганной батареи. Часть Китайской стѣнки, между Волчьей и Заредутной батареями осталась обнаженной, никѣмъ не занятою. Въ 12-мъ часу ночи на 11-е августа ружейная трескотня въ сторонѣ редутовъ усилилась. Японцы съ занятыхъ ими редутовъ пошли на приступъ Заредутной батареи и Большаго Орлинаго гнѣзда. Согласно приказанія изъ штаба отряда, около 12 час. ночи командиръ баталіона, подполковникъ Раздольскій, приказываетъ мнѣ вести мою роту туда, гдѣ слышна пальба и тамъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Переваливъ черезъ два гребня мы оказались у подошвы Б. Орлинаго, по обѣ стороны котораго слышна ружейная трескотня, и съ обѣихъ же сторонъ слышатся крики: „Резервъ сюда, скорѣй“. Я, положивъ роту подъ „Орлинымъ“, выслалъ вправо дозоръ съ фельдфебелемъ, а влѣво съ горнистомъ и двумя посыльными побѣжалъ самъ. Подходя къ вершинѣ „Заредутной“, откуда слышались выстрѣлы, я встрѣтилъ офицера 27-го полка, который взволнованнымъ голосомъ торопливо передалъ мнѣ, что японцы лѣзутъ къ нимъ на гору, что его ротный командиръ убитъ, онъ не знаетъ, что дѣлать, и „ради Бога поскорѣе резервъ“. Люди его роты въ безпорядкѣ сбились въ кучу на вершинѣ, трусы позалегли за камни и все это па-

литъ безъ толку. На правомъ скатѣ Заредутной и на сѣдловинѣ къ Б. Орлиному не видно ни одного стрѣлка, внизу же, въ мѣстахъ освѣщенныхъ луною, уже замѣтны ползущія фигуры японцевъ. Я крикнулъ ротѣ „ко мнѣ“ и, передавъ о замѣченномъ, приказалъ занять цѣпью весь скатъ и сѣдловину, огня не открывать, а принимать подползающихъ на штыки въ полнѣйшей тишинѣ. Не прошло и 5 минутъ, какъ нѣсколько человѣкъ японцевъ было заколото, а на Заредутной безпорядочная стрѣльба все не прекращается. Бѣгу туда и упрашиваю офицера быть энергичнѣе, прекратить огонь и разомкнуть людей вплоть до моихъ. Исполненія нѣтъ; до хрипоты кричу самъ, но и меня не очень слушаютъ; ночь, я чужой части, непріятель близко. Кое-какъ съ помощью рукъ, горниста и посыльныхъ распихиваемъ людей. Какъ разъ въ это время мнѣ докладываютъ, что меня требуетъ на дорогу генералъ. Дорога проходитъ тутъ же у самой подошвы. Спускаюсь внизъ и докладываю о происходящемъ. Генералъ, недовольный безпорядкомъ на Заредутной, приказываетъ эту роту отправить внизъ, а своею занять вершину. На мои доводы, что этого сдѣлать нельзя, такъ какъ моя рота уже колетъ подбирающихся японцевъ, что на скатѣ и сѣдловинѣ никого кромѣ моей роты нѣтъ, генералъ остается непреклоненъ, говоритъ, что „Никакихъ японцевъ здѣсь нѣтъ и исполняйте, что вамъ приказываютъ“. На счастье въ этотъ моментъ принесли заколотаго японца и положили у ногъ лошади генерала. Онъ спросилъ мою фамилію и сказалъ: „Назначаю васъ начальникомъ въ этомъ раіонѣ, позаботьтесь чтобы все было хорошо“ и уѣхалъ. Я побѣжалъ въ свою цѣпь. Благодаря взвившейся и освѣтившей мѣстность ракетѣ, разсмотрѣли мы густыя цѣпи японцевъ, выходившія изъ ближайшей деревушки и съ редута 1-го. Они пріостанавливаются въ каждой ложбинѣ, облѣпляютъ каждый бугорокъ и открываютъ огонь пачками по нашему гребню, скату и сѣдловинѣ, въ то же время ихъ передовыя части

безъ выстрѣла въ полнѣйшей тишинѣ ползутъ къ нашей цѣпи, и тѣ, которымъ удается подползти къ ней поближе, бросаютъ пироксилиновыя шашки, отъ взрыва которыхъ выбываетъ сразу по два, по три стрѣлка. Пользуясь освѣщеніемъ ракетъ, летящихъ съ 2-го форта, стрѣляемъ залпами, но уже послѣ 10—15 залповъ у меня не хватаетъ голоса, надорваннаго еще на Заредутной. Заставляю командовать фельфебеля, который по своей иниціативѣ вмѣсто „рота“ командуетъ, желая обмануть японцевъ, „баталіонъ пли“. Исправляя расположеніе цѣпи, пришлось загнуть правое плечо и продвинуть правый флангъ шаговъ на 40—50 вниз и впередъ, такъ что убитые и раненые японцы уже оказались сзади нашего расположенія и тутъ пришлось испытать на себѣ ихъ фанатизмъ; эти раненые притворившись лежали, какъ убитые, а какъ только на нихъ перестали обращать вниманіе, они ожили и забросали лидитныя шашки; осколкомъ одной изъ такихъ былъ раненъ въ шею мой неизмѣнный спутникъ, горнистъ Банниковъ, а на мнѣ спалило рубаху, обожгло и оглушило. Этихъ фанатиковъ, помимо всякихъ приказаній сейчасъ же прикончили озлобленные стрѣлки. Выносить своихъ раненыхъ и убитыхъ я запретилъ, такъ какъ цѣпь моя рѣдѣла очень замѣтно, но тутъ же за цѣпью на дорогѣ посадилъ единственнаго въ ротѣ фельшера, къ которому и приказалъ уползать раненымъ. Новыя свѣтящіяся ракеты обнаруживаютъ новыя цѣпи японцевъ, надвигающихся на насъ. Передъ самой нашей цѣпью отчетливо и безъ ракетъ видны ихъ цѣлыя шеренги, я командую пачки, и начинается такая трескотня, что за нею не слышно ни риковъ, ни стона нашихъ раненыхъ, ни визга японцевъ. Прикрываясь трупами, дѣлая изъ нихъ цѣлые траверсы, японцы кучами врываются въ нашу цѣпь, начинается рукопашная. Наши остервенѣли. Колютъ штыками, такъ что и трубка и дуло влѣзаютъ въ тѣло, всаживаютъ сразу по два, по три штыка въ одного и сбрасываютъ черезъ головы назадъ. Ко-

сятъ прикладомъ, бьютъ камнями; внизу взрываются фугасы, справа—съ китайской стѣнки стрѣляютъ картечью во флангъ наступающимъ, а они все лѣзутъ и лѣзутъ. И этотъ адъ продолжается до самаго разсвѣта. Но слава нашимъ стрѣлкамъ, ихъ отчаянное мужество взяло верхъ. Всѣ штурмы были отбиты. При первыхъ лучахъ солнца раздались какіе-то звуки трубъ и все, что осталось живого передъ нами повернули вспять и провожаемые нашими пачками японцы скрылись скатами, въ оврагахъ и лощинахъ. Преслѣдовать было некѣмъ. У меня въ ротѣ осталось всего 26 человѣкъ изъ 162-хъ. Ровно въ половинѣ пятаго надъ нами разорвалась 1-я японская шрапнель, а за ней полетѣли и слѣдующія. Оставивъ 2 поста для наблюденія, остальныхъ людей я размѣстилъ вдоль парапета дороги и, прижавшись къ скалѣ, мы просидѣли до вечера. Но благодаря тому, что надъ головами не было никакого прикрытія я потерялъ отъ шрапнельныхъ пуль еще одного стрѣлка и послѣдняго въ ротѣ фельдшера. Только къ вечеру орудійная стрѣльба стихла и явилась возможность приступить намъ, стрѣлкамъ, къ укрѣпленію крѣпости, чтобы въ случаѣ новаго штурма опять не пришлось сражаться на открытой мѣстности, не имѣя даже окопа. Ко мнѣ подошли наши 10 и 11-я роты, тоже сильно пострадавшія за ночь, они дрались лѣвѣе Заредутной. Командиръ 11 роты (шт.-кап. Яковлевъ) передъ разсвѣтомъ былъ убитъ. Работы производить пришлось подъ ружейнымъ огнемъ, но все-таки къ утру вся линія отъ вершины Заредутной до $^1/_2$ ската Большаго Орлинаго гнѣзда была связана хотя и не глубокимъ окопомъ. Другіе въ это время мастерили навѣсъ изъ досокъ вдоль дороги отъ шрапнельныхъ пуль, третьи рыли могилы, но такъ какъ грунтъ очень каменистъ, работа тяжела, пришлось ограничиться одной большой ямой, въ которую къ утру сложили къ одной сторонѣ тѣла нашихъ, къ другой японцевъ. Фельдфебель 10-й роты (Сергунинъ) прочелъ „Отче нашъ“ перекрестилъ мо-

гилу и обрядъ погребенія былъ оконченъ. 12-е августа прошло такъ же, какъ и 11-е, пожалуй, даже артиллерійскаго огня было меньше. Мы просидѣли опять у стѣнки дороги, имѣя теперь уже надъ головами настилку изъ досокъ; потерь не было. Съ Ляотешаня пришла рота 28 полка. Рота еще ни разу не была въ бою и имѣла въ строю 210 человѣкъ. Я съ ротнымъ командиромъ (кап. Ласскій) поднялся къ гребню Заредутной и сталъ объяснять ему расположеніе своихъ постовъ, чтобы смѣнить ихъ людьми его роты, но не успѣлъ объяснить и половины, какъ надъ нами лопнула японская шрапнель и онъ повалился ко мнѣ на руки,—нѣсколько пуль пронзили ему спину и бокъ; люди потеряли 1-го изъ роты своего командира. Съ наступленіемъ темноты принялись опять за окопы. Но сегодня работать много труднѣе, такъ какъ отъ сильнаго трупнаго запаха кружится голова, подымается рвота. Жгучее солнце за два дня сдѣлало свое дѣло: остававшіеся не подобранными трупы японцевъ, а ихъ на нашемъ участкѣ свыше тысячи, совершенно разложились и страшный смрадъ ползетъ изъ лощины къ намъ на гору; днемъ вѣтеръ былъ съ моря къ японцамъ, теперь дулъ съ сѣвера и гналъ этотъ смрадъ на насъ. Между трупами часто приходилось слышать стоны и находить раненыхъ и даже легко; 12 такихъ японцевъ были подобраны и отправлены на нашъ перевязочный пунктъ. Эти по-русски не говорили, но наши стрѣлки какъ-то объяснялись съ ними, поили чаемъ, кормили и, „кури-кури“ давали. Японецъ складывалъ руки ладонями вмѣстѣ и, поднося ихъ къ головѣ кланялся въ знакъ благодарности, но пилъ не раньше того, какъ попьетъ нашъ, изъ боязни быть отравленнымъ. Это разыскиваніе стонущихъ раненыхъ и вытаскиваніе ихъ изъ кучъ труповъ повело къ мародерству. Погоня за наживой поборола опасность и многіе, главнымъ образомъ евреи, полѣзли къ убитымъ обшаривать карманы. Къ утру было натащено всякой всячины: ружья, ранцы, саперный инструментъ, буш-

латы, флачки, бинокли, часы, кошельки, галеты, мясные консервы, всевозможныя письма и даже складные божки и наркотическія пилюли. Противно смотрѣть на лица, успѣвшихъ поживиться, чѣмъ либо съ убитаго; противно, какъ они принялись за уничтоженіе консервовъ, галетъ, пропитавшихся уже трупною вонью. Ѣдятъ, а на ихъ лицахъ самодовольная улыбка, забыли, что каждую минуту ихъ ожидаетъ участь тѣхъ, кого они грабили. Бороться съ этимъ зломъ приходилось только убѣжденіями, никакія наказанія тутъ не подѣйствовали бы, да и вообще какое наказаніе можно было бы тутъ накладывать? Запереть въ карцеръ, не дать человѣку возможности исполнить высокаго призванія сражаться за родину? Но это было бы чувствительно для человѣка нравственнаго, а нравственные, религіозные солдаты не шли мародерствовать и сами, а люди, мало развитые, съ смутнымъ представленіемъ о человѣческомъ достоинствѣ убѣжденно говорили; „какъ же не взять такую вещь, которая подъ ногами валяется и хозяина не имѣетъ, не пропадать-же ей зря“. И тащили, тащили эти вещи не только съ земли, а и изъ кармановъ убитыхъ, а ихъ было слишкомъ много. До 2-хъ тысячъ труповъ японцевъ осталось въ нашемъ расположеніи за китайской стѣнкой (цифру эту пришлось установить конечно гораздо позже); двѣ недѣли приходили къ намъ жандармы съ сотнею китайцевъ и закапывали эти трупы. Не удержись въ эту ужасную ночь мы на этомъ мѣстѣ, а это, вѣроятно, и было бы, если бы хоть на часъ былъ позднѣе разсвѣтъ, и исходъ штурма былъ бы совершенно инымъ. Вѣдь сзади насъ не было никакой 2-й линіи, ни укрѣпленій, ни батарей, ни окоповъ, ни войскъ; только въ верстѣ помѣщался штабъ начальника нашего фронта, а дальше свободный проходъ къ самому городу. Начальникъ фронта къ сожалѣнію въ эту ночь заболѣлъ и, уѣзжая въ Артуръ, передалъ начальство командиру нашего полка Полковнику Савицкому; этотъ, въ разгаръ боя на китайской

стѣнкѣ у Волчьей мортирной батареи былъ раненъ пулею въ животъ на вылетъ и на носилкахъ отправленъ тоже въ Артуръ; замѣнившій его Подполковникъ Раздольскій остался въ штабѣ, и ротные командиры со стрѣлками были предоставлены сами себѣ и дѣлали свое дѣло безъ всякихъ руководителей, каждый на порученномъ ему участкѣ; а П.-Артуръ, привыкшій уже ко всякой пальбѣ, спокойно спалъ, не подозрѣвая, что онъ могъ быть взятъ въ эту ночь. Не скоро уяснили себѣ многіе какую ужасную ночь пережилъ Артуръ съ 10-го на 11-е августа.

По описаніямъ бывшаго при арміи Ноги англійскаго корреспондента Норригаарда эта ночь для японцевъ была самой ужасной изъ всей кампаніи—они потеряли 5.000 человѣкъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ. Другой корреспондентъ также англичанинъ—Бартелотъ въ своемъ правдивомъ описаніи (Журн. Иностр. литерат. мартъ 1907 г.) описывая августовскіе штурмы, говоритъ, что японцы въ эту ночь потеряли 15 тысячъ убитыми и ранеными.

VI.

«На веркахъ».

Неудача, постигшая японцевъ, заставила ихъ перемѣнить свой планъ. Неисполнившаяся надежда взять Артуръ въ нѣсколько дней открытымъ штурмомъ убѣдила ихъ въ необходимости начать правильную осаду, и они приступили къ сапнымъ, а затѣмъ и къ минным работамъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ полки ихъ, понеся большія потери, — которыя за августовскія штурмы (по ихъ свѣдѣніямъ) равнялись 14,835 человѣкъ — пополнялись прибывающими черезъ Дальній запасными и новыми частями. На позиціяхъ выростали новыя батареи полевыхъ и осадныхъ орудій. Наши потери за августъ были: убитыхъ 34 офицера, 1428 нижн. чин., ранено 94 офицера, 6697 нижн. чин. 13-е августа прошло совсѣмъ тихо, стрѣляла только артиллерія. Это было такъ неожиданно для насъ (мы привыкли каждое 13-е число встрѣчать атаки японцевъ), что ночью произошла ложная тревога. Въ 3-мъ часу ночи надъ Артуромъ разразилась сильная гроза съ ливнемъ. Люди постовъ, наэлектризованные ожиданіемъ штурма, предположили, что противникъ воспользовался моментомъ, и открыли огонь, къ нимъ присоединились производившіе работы, и черезъ минуту на всемъ фронтѣ былъ открытъ такой ружейный и даже артиллерійскій огонь, что остановить быстро не было никакой возможности: ни свисткамъ, ни звукамъ горна люди не внимали и выпускали обойму за обоймой. Были такіе стрѣлки, что подбѣгая къ офицерамъ съ ужасомъ сообщали. — „Такъ что патроновъ не хватаетъ, всѣ выпустилъ“. Только черезъ

40 минутъ, благодаря пущеннымъ ракетамъ удалось прекратить стрѣльбу. Японцы нигдѣ не наступали.

Августовскіе штурмы кончились, но близость японцевъ къ намъ осталась. Занявъ редуты 1-й и 2-й, они засѣли тамъ, въ разстояніи 300 шаговъ отъ линіи обороны, и несмотря на нашъ артиллерійскій огонь по этимъ пунктамъ и наши атаки вылазочныхъ партій, къ сожалѣнію, дорого обходившихся для насъ, остались тутъ до конца, а съ ноября пошли сапою-же еще ближе, о чемъ я скажу позже. Кромѣ близкаго непріятнаго сосѣдства августовскіе штурмы принесли намъ значительную убыль въ людяхъ и орудіяхъ (нашъ полкъ потерялъ 318 чел. убитыми, 890 ранеными). Очень много отличныхъ пушекъ, благодаря тому, что были установлены на открытыхъ мѣстахъ, были подбиты и замолкли на всегда. Въ числѣ ихъ были и два 6-ти дюймовыхъ орудія Канэ на Большомъ Орлиномъ гнѣздѣ. Изъ нихъ было выпущено не болѣе полутораста снарядовъ, и служба ихъ кончилась. Когда моей ротѣ приказано было расположиться на Большомъ Орлиномъ гнѣздѣ, мы воспользовались блиндажемъ, предназначавшимся для склада снарядовъ къ этимъ орудіямъ, и поселились въ немъ всею немногочисленною ротою (какъ я уже говорилъ, у меня осталось всего 26 чел.), снаряды же были отправлены на другіе пункты. Попытки привести въ годность наши орудія остались безплодными, но за то вызывали со стороны японцевъ непрерывное долбленіе по нашей вершинѣ изъ большихъ орудій. Какъ только замѣтятъ они, что положеніе дула орудія измѣнилось, начинаютъ обстрѣливать платформу, на которой стоятъ пушки. Мы радовались этой стрѣльбѣ и все надѣялись, что они скоро разстрѣляютъ всѣ снаряды, намъ же убыли въ людяхъ эта стрѣльба не приносила, такъ какъ малочисленный гарнизонъ разбѣгался подальше отъ вершины и располагался по скатамъ. Дни проходятъ въ отдыхѣ. Все замираетъ и прячется въ блиндажахъ и за уступами скалъ,—только люди постовъ въ

бинокли, снятые съ убитыхъ японцевъ, зорко слѣдятъ за тѣмъ, что творится у противника. А у него тоже тихо, только неугомонная артиллерія продолжаетъ посылать снаряды въ разныхъ направленіяхъ. Наша артиллерія въ долгу тоже не остается, и по моимъ наблюденіямъ снаряды ея, въ особенности полевыхъ орудій, расположенныхъ на сопкахъ сзади насъ, рвутся дѣйствительно удачно, надъ пунктами, гдѣ по нашимъ предположеніямъ прячутся ихъ части и стоятъ пушки. На морѣ принахально разгуливаютъ вблизи бухтъ Тахэ, Сяо-бин-дао и Луивантаня японскія суда, — поближе миноносцы, за ними капонерки и крейсейра, а на самомъ горизонтѣ всегда видны 5 — 6 дежурныхъ броненосцевъ. Изъ нашей эскадры только изрѣдка подъ Золотою горою увидишь малышей — 2 катера, 2 миноносца, остальные суда и пары уже не разводятъ, развѣ, что для приготовленія пищи задымятъ трубы.

Въ сторонѣ противника днемъ тоже тихо, работа идетъ только за Волчьими горами; въ просвѣты между ними, то и дѣло видимъ какъ тянутъ на лямкахъ орудіе, проѣзжаютъ обозы, а на вершинахъ появляются группы съ подзорными трубами. Но вотъ въ 7 часовъ быстро темнѣетъ, огонь артиллеріи дѣлается значительно рѣже и у насъ на позиціяхъ закипаетъ жизнь. Усилили наблюдательные посты. Выслали секреты. Застучали кирки и мотыги, выдалбливая окопы, ходы сообщенія, закрытія — въ безконечномъ квантунскомъ камнѣ; развозятъ на повозкахъ и на вьючныхъ осликахъ жиденькую пищу, воду, хлѣбъ, водку или разбавленный водою спиртъ; отправляемъ раненыхъ и заболѣвшихъ за день на перевязочные пункты, зарываемъ убитыхъ. Провозятъ снаряды на уцѣлѣвшія батареи; изъ города возвращаются успѣвшіе поправиться отъ ранъ стрѣлки. Эти всегда съ запасомъ новостей и о близости нашей выручки, и о томъ, что генералъ Куропаткинъ разбилъ на голову японцевъ на сѣверѣ, и о томъ, что японцы собираются уходить отъ

Артура, только не знаютъ, какъ это сдѣлать. Подъ эти заманчивыя новости и работать легче. Время отъ времени, то тамъ, то сямъ разорвется шрапнель, осыпитъ большое пространство пулями, ранитъ, убьетъ,... на минуту притихнетъ работа и опять закипитъ. Для избѣжанія потерь при ночной стрѣльбѣ противника, люди постовъ, какъ только мѣстность освѣтится, какъ отъ вспышки, кричатъ—„Идетъ“ и стрѣлки успѣваютъ до разрыва снаряда укрыться; днемъ это дѣлать было труднѣе, вспышекъ не видно, да и дымъ не сразу подымается, но все же звукъ выстрѣла и гудѣніе летящаго снаряда большого калибра давали возможность при единичныхъ выстрѣлахъ предупреждать. Ночами же производимъ развѣдки небольшими партіями, получившими названіе „ползуновъ охотниковъ“. Послѣ августовскихъ штурмовъ, испытавъ на себѣ силу дѣйствія ручныхъ японскихъ гранатъ, принялись и у насъ за изготовленіе таковыхъ. Первое время они имѣли самое примитивное устройство—чугунный шаръ наполнялся порохомъ, къ нему пропускался фитиль, и отверстіе заливалось смолою. Вѣсила такая граната около 8 фунтовъ, такъ что бросить ее далеко было трудно. Кромѣ того горѣніе фитиля было чрезвычайно неоднообразно, и по большей части очень медленно, граната, брошенная въ расположеніе японцевъ, часто возвращалась ими обратно къ намъ, отъ насъ иногда опять успѣвали перебросить, а иногда разрывалась въ рукахъ бросавшаго. Впослѣдствіи дѣло съ ручными гранатками и бомбочками пошло гораздо лучше. Придумывали и изобрѣтали всѣ, но особенно въ этомъ отличался саперъ штабсъ-капитанъ Дебагорій-Мокріевичъ. Изобрѣтены были такія, что давали разрывъ тотчасъ при паденіи на землю отъ удара, другія имѣли капсюль, который разбивался ударомъ руки и черезъ 5—6 секундъ происходилъ взрывъ. Ночь за непрерывной работою проходитъ быстро, а каждый начинающійся день наглядно показываетъ намъ преимущества противника въ смыслѣ успѣха

ночныхъ работъ и главнымъ образомъ земляныхъ. Ихъ окопы, траншеи, ходы сообщенiй, — появлявшiеся за ночь въ разныхъ пунктахъ, казалось-бы безъ всякой системы, на другое, на третье утро связывались между собою, и ихъ получалась цѣлая сѣть; всѣ вырыты такъ глубоко и аккуратно, что они имѣютъ возможность совершать передвиженiя по этимъ коридорамъ, невидимыми съ нашихъ позицiй даже и днемъ. Правда, что японцы въ этомъ отношенiи, работая въ низменности на посѣвныхъ поляхъ, имѣли дѣло съ болѣе доступнымъ для лопаты грунтомъ; на единственную нашу роту саперъ у нихъ было 21 рота таковыхъ; на 9 нашихъ инженеровъ они имѣли 46, но все же мы должны сознаться, что у насъ въ войскахъ окопное дѣло поставлено болѣе чѣмъ слабо, а сравнительно съ кротами-японцами совсѣмъ не поставлено, а насколько важенъ этотъ отдѣлъ обученiя, понятно само-собою,—цѣлые полки японцевъ выростали изъ земли подъ самыми нашими обороняемыми пунктами, приближаясь къ нимъ незамѣченными, совершенно безъ потерь.

Надо чтобы на это дѣло также, какъ и на стрѣлковое было обращено все вниманiе, не откладывая въ дальнiй ящикъ, на каждомъ ученьѣ слѣдуетъ рыть и рыть землю, уходить въ нее и не безпокоиться о томъ, что по взрытымъ мѣстамъ неловко будетъ, впослѣдствiи, ходить церемонiальнымъ маршемъ и производить смотры ротныхъ ученiй.

Въ концѣ августа до насъ дошла радостная вѣсть о рожденiи Наслѣдника Престола и о повелѣнiи Государя считать намъ, Артурцамъ, службу 1 день за 12-ть, а къ этому усиленно приплетались слухи о томъ, что идущiй къ намъ на выручку отрядъ достигъ уже Киньчжоу, и мы подолгу прислушивались, не послышатся-ли оттуда звуки выстрѣловъ, но все напрасно. Хотя, дѣйствительно, конецъ августа и начало сентября японцы очень умѣрили бомбардировки города, даже и по позицiямъ стрѣляли мало. Усиленно держался

слухъ, что японцы стягиваютъ войска къ сѣверу, но 6-е сентября показало неосновательность всей этой болтовни. Спокойствіе кончилось.

Въ 7-мъ часу утра противникъ открылъ огонь изъ массы орудій и постепенно развилъ его до громадныхъ размѣровъ. Скоро опредѣлился и пунктъ атаки. Японцы шли на „Высокую“ (202 м.) и на сильно выдвинутый впередъ, но очень слабенькій Водопроводный редутъ верстахъ въ 3 къ востоку отъ Высокой горы. Артиллерійскій огонь въ теченіи 4-хъ сутокъ 6, 7, 8 и 9 сентября не смолкалъ, а отъ разсвѣта до темноты превращался въ сплошную канонаду и за грохотомъ пушекъ и разрывомъ снарядовъ—ружейной трескотни уже и нельзя было слышать. Снарядами противникъ засыпалъ весь Сѣверо-Восточный фронтъ, главнымъ же образомъ гору Высокую, куда и направилъ свои главныя силы. Водопроводный и Кумирненскій редуты на 2-й день канонады были превращены въ кучи мусора и запылали. Уцѣлѣвшіе стрѣлки ушли оттуда, но и японцы редутами не воспользовались, такъ-какъ они, занимая низменное положеніе, значенія не имѣли, а выстроены были исключительно для прикрытія головы водопровода, которая японцами, конечно, и была разрушена, и притокъ прѣсной воды въ городъ прекратился. Насъ, сидящихъ на позиціи, этотъ водяной вопросъ не очень безпокоилъ, такъ-какъ мы все равно пользовались все время водой изъ колодцевъ, ручейковъ и дождевой, въ городѣ же имѣлись опрѣснители морской воды.

Особенно тяжело было на Высокой горѣ 8 сентября, когда японцы заняли не только нѣкоторые окопы по скату горы, но даже влѣзли въ длинное закрытіе на самой вершинѣ съ лѣвой стороны горы. Забравшись въ это закрытіе, укрываясь желѣзными щитами, мѣшками съ землею и трупами товарищей, они моментально сложили траверсъ поперекъ закрытія, и въ одной сторонѣ его оказались наши, въ другой японцы. Японцы втащили пулеметъ, который не давалъ при-

близиться къ траверсу, чтобы его разрушить; ружейный огонь и лидитныя шашки все прибывающихъ враговъ дѣлаютъ безрезультатными попытки нашихъ выбить штыками засѣвшихъ въ закрытіи японцевъ, и вотъ въ это время явился въ закрытіе лейтенантъ Подгурскій съ изобрѣтенными имъ новыми пироксилиновыми ручными бомбами, дававшими очень сильные разрывы. Моментально въ японскую половину полетѣли эти бомбы, раздались одинъ за другимъ разрывы, стрѣлки послѣдовали примѣру героя Подгурскаго, и въ 10 минутъ японцы были перебиты тутъ-же въ закрытіи, пробовавшихъ-же удирать догоняли ружейныя пули. Также были истреблены и японцы, занявшіе окопъ на скатѣ. Туда въ окопъ были пущены шары съ 18-ю фунтами пироксилина, и стрѣлки подъ командою кап. Стемпневскаго бросились на ура и штыками перебили двѣ роты японцевъ. Ночью японцы попробовали броситься 2-мя колоннами съ восточной стороны, но встрѣченные нашими пачками вынуждены были съ большими потерями вернуться. Къ утру 10 сентября стрѣльба стихла, вся „Высокая“ осталась въ нашихъ рукахъ. Японцы, понеся большія потери, пріостановили свои жестокіе штурмы. Опять ограничиваются посылкою по 10—15 снарядовъ въ разныхъ направленіяхъ каждый часъ. Но зато въ сапныхъ работахъ они стали еще энергичнѣе и ихъ окопы, ходы сообщенія, блиндажи появляются все ближе и ближе къ намъ, да желая хоть на чемъ нибудь сорвать злость за неудачи въ штурмахъ, усиленно бомбардируютъ городъ.

13 сентября японцы праздновали большой праздникъ „Хризантемъ“ и вѣроятно по этому случаю ничего особеннаго не предприняли, зато у насъ вечеромъ была произведена очень удачная вылазка передъ капониромъ № 3-й, гдѣ японцы со своими окопами подошли очень близко. Между капониромъ и головой ихъ сапы было всего 40 шаговъ. Какъ стихла обычная дневная стрѣльба, съ капонира была пущена воздушная пироксилиновая мина, и вся площадь японскихъ

работъ осыпана снарядами съ нашихъ батарей. Японцы въ разсыпную бросились удирать; батареи перенесли огонь на занятые японцами редуты, а стрѣлки бросились въ ихъ окопы и, занявъ ихъ, преслѣдовали бѣгущихъ ружейнымъ огнемъ, въ тоже время другіе занимались закапываніемъ и взрываніемъ ихъ сапы. Японцы черезъ часъ подвели сильный резервъ, но задача нашихъ была выполнена, и стрѣлки вернулись на капониръ до его появленія.

15 сентября Генералъ Кондратенко назначилъ меня начальникомъ участка, въ который входили люнетъ Куропаткина, Фортъ № 2-й (Кикваншанъ), Капониръ № 2-й и Китайская стѣнка до редута № 1-й. Это назначеніе льстило самолюбію, но представляло много трудностей и главнымъ образомъ потому, что на перечисленныхъ мною укрѣпленныхъ пунктахъ комендантами были капитаны старше меня и по службѣ, и по лѣтамъ (Успенскій, Резановъ, Шмидтъ, Оношко).

Благодаря этому назначенію я подробно ознакомился съ обороною на протяженіи почти 3-хъ верстъ. Сильнѣйшій пунктъ на этомъ участкѣ фортъ № 2-й, съ бетонными казематами и 4-мя орудіями—былъ очень далекъ отъ типа неприступнаго. Онъ расположенъ на невысокомъ холмѣ и, будучи окруженъ рвомъ двухъ саженной глубины, со скалистыми боками, имѣлъ громадный недостатокъ — передъ гласисомъ форта было большое мертвое пространство, къ которому теперь японцы подошли уже своей сапою и могли укрываться здѣсь безнаказанно. Слабѣйшимъ мѣстомъ участка былъ открытый капониръ лѣвѣе 2-го форта и Куропаткинскій люнетъ правѣе его. На этихъ двухъ пунктахъ не было ни только бетона, но и порядочнаго блиндажа, сносной землянки; въ особенности на люнетѣ; движеніе днемъ на этомъ послѣднемъ ежедневно сопровождалось убылью людей.

Оборудованіе и приспособленіе Китайской стѣнки къ оборонѣ производилось крайне медленно, главнымъ образомъ по-

тому, что у насъ было мало и плохого качества инструментъ для земляныхъ работъ; не было веществъ для взрыванія камня; мѣшки для насыпки землею на покрышку крутостей, землянокъ и устройства траверсовъ и бойницъ приходилось выпрашивать, буквально, „Христа ради“, они цѣнились на-вѣсъ золота. Производя ночныя вылазки, стрѣлки главное вниманіе обращали на то, какъ-бы уволочь отъ противника побольше мѣшковъ и шанцевый инструментъ, у японцевъ въ нихъ недостатка не было, наоборотъ, можно было поражаться громадному количеству этихъ мѣшковъ. Кстати скажу, что и въ такой мелочи они перещеголяли насъ — ихъ мѣшки имѣли съ незашитой стороны обметанныя петли, и къ каждому мѣшку пришитъ конецъ веревки, который и пропускается въ эти петли послѣ насыпки земли, благодаря чему получается правильная четырехъ угольная форма удобная для кладки.

17-го сентября надъ нами впервые загудѣли снаряды 28-ми сантиметровой японской гаубицы. Одинъ изъ нихъ попалъ въ бетонный казематъ 2-го форта, гдѣ впослѣдствіи, отъ такого-же снаряда погибъ Генералъ Кондратенко. На этотъ разъ въ отдѣленіи, гдѣ разорвался снарядъ, легко пробивъ бетонъ, находилось всего 4 стрѣлка, и 2 были убиты, а 2 искалѣчены. Я былъ въ это время на форту и мы, подобравъ осколки—дно и посовую часть снаряда установили, что онъ принадлежитъ къ бронебойнымъ, имѣетъ діаметръ 11 дюймовъ, длину $2^1/_2$ фута; вѣсъ такого снаряда 13 пудовъ, а вѣсъ заряда пороха 2 пуда 20 фунтовъ. Постепенно японцы число этихъ гаубицъ довели до 28; разрушительное дѣйствіе ихъ было громадно, въ особенности, если принять во вниманіе, количество выпускавшихся снарядовъ, а объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго примѣра: 7-го сентября при наступленіи японцевъ на Водопроводный редутъ, на ближайшій къ нему фортъ № 3-й, котораго японцы не штурмовали, они выпустили за день 2306 снарядовъ разнаго калибра, какъ было записано комендантомъ форта.

Въ эти-же числа у японцевъ изъ-за Волчьихъ горъ подымается на привязи воздушный шаръ и съ него производятся наблюденія за нами. Стрѣльба по немъ нашихъ батарей по дальности разстоянія видимыхъ результатовъ не дала. У насъ воздушнаго шара не было; правда лейтенанту Лаврову, удалось сшить изъ шелковыхъ кусковъ шаръ, но газа хватило только, чтобы надуть его, подняться-же онъ не могъ, даже и безъ человѣка.

22 сентября ночью было дѣло на самомъ правомъ флангѣ сухопутной позиціи, близъ бухты Тахэ.

Японцы подкрались на шлюпкахъ и шаландахъ и, высадившись на флангѣ сторожевого охраненія, пошли въ атаку. Наши, считая, что высадка въ бухтѣ Тахэ подъ носомъ у нашей эскадры невозможна, прозѣвали ее, и японцы, не встрѣтивъ особеннаго сопротивленія, заняли Сигнальную гору, но съ разсвѣтомъ штабсъ-капитанъ Золотухинъ, бывшій комендантомъ Сигнальной горы, перешелъ съ отступившими въ наступленіе, сбили японцевъ съ горы и заняли свои прежнія позиціи. Штабсъ-капитанъ Золотухинъ въ этомъ бою былъ раненъ 18 пулями. Японцы на этотъ пунктъ до конца осады уже не наступали.

Въ концѣ сентября начались холода, такъ-что люди постовъ надѣваютъ полушубки, а фуражки всѣ замѣнили папахами, но носятъ ихъ вывернувши подкладкой внаружу, чтобы не рѣзко отличаться по цвѣту отъ мѣстности.

19-го въ приказѣ объявлена телеграмма, слѣдующаго содержанія:

Мукденъ 7 Сентября.

Генералу Стессель.

Получилъ Вашу депешу. Сердечно поздравляю съ новымъ успѣхомъ. Мы усердно готовимся къ переходу въ наступленіе. 1-й армейскій корпусъ уже прибылъ къ намъ. Богъ вамъ въ помощь.

Генералъ-Адъютантъ *Куропаткинъ.*

Эта телеграмма уже не особенно обрадовала защитниковъ Артура. Вѣдь въ маѣ тоже была телеграмма съ выручкой, но идетъ уже пятый мѣсяцъ, а ни ея, ни флота нѣтъ и нѣтъ. А японцы, какъ мыши все ближе и ближе, роются въ землѣ, ползутъ, скрытые въ своихъ глубокихъ окопахъ, остаются неуязвимыми для насъ, а насъ выцѣливаютъ въ одиночку съ занятыхъ ими пунктовъ; во флангъ и въ тылъ засыпаютъ, имѣя постоянный подвозъ, насъ снарядами, держатъ насъ въ вѣчной готовности; утомляютъ безпрерывными ночными штурмами; бодрость духа не падаетъ, но силы въ плохопитаемомъ тѣлѣ слабѣютъ, ко всему этому прибавляется ужасный бичъ—брюшной тифъ и цынга.

VII.

«Японцы готовятъ подарокъ Микадо».

3 октября въ 2 часа противникъ открылъ сильнѣйшій огонь изъ массы орудій по капониру, форту и укрѣпленію №№ 3-й. Капониръ черезъ часъ былъ сравненъ съ землею, и укрываться стрѣлкамъ было негдѣ, волей-не-волей вынуждены были бросить его и отошли за Китайскую стѣнку. Тогда японцы группами стали перебѣгать на него, но попали подъ нашъ двухъ-ярусный ружейный огонь и занять не могли, когда-же стемнѣло, на капониръ бросились одновременно и наши и японцы; наши, занявъ тыловой окопъ, а японцы брустверъ, остались на немъ въ разстояніи 30 шаговъ одни отъ другихъ и принялись загораживаться траверсами. Эта близость позволяла слышать не только стукъ рабочаго инструмента, но и разговоръ, кашель; поражать другъ друга бросаніемъ ручныхъ гранатъ и даже переругиваться. Въ этомъ бою между прочими была убита жена стрѣлка 13 полка Харитина Короткевичъ. Эта женщина не пожелала разстаться съ любимымъ мужемъ и, переодѣвшись въ солдатскую одежду, выступила въ походъ вмѣстѣ съ ротою, была во всѣхъ сраженіяхъ и исполняла обязанности санитара. Во время боя 3-го октября она дѣлала перевязки, и вотъ только что перевязала раненаго въ голову подполковника Кирикова и побѣжала къ другому раненому, какъ вблизи ея разорвался 11-ти дюймовый снарядъ и раздробилъ ее на части.

Въ ночь съ 7-го на 8-е октября на моемъ участкѣ была

произведена вылазка передъ фортомъ 2-мъ. Мы потеряли 12 стрѣлковъ и отличнаго заурядъ-прапорщика Марченко, но зато выяснили, что японцы, дойдя сапою до мертваго пространства, о которомъ я говорилъ, повели подъ гласисомъ двѣ минныя галлереи. Когда нашимъ удалось отогнать работающихъ японцевъ, въ минныя галлереи были заложены 12-ти фунтовые пироксилиновые заряды и взорваны, получился обвалъ и работы японцевъ задержались дня на два, на три. У насъ съ форта немедленно повели контръ-мины. 13-е октября было началомъ жестокихъ октябрьскихъ штурмовъ. Съ 7-ми часовъ утра японцы принялись засыпать 2-й и 3-й форты 11-ти дюймовыми, а остальные пункты восточнаго фронта отъ лит. Б и кончая Курганной батареей, снарядами всевозможныхъ калибровъ. Бетонъ на фортахъ разваливается. Наши орудія отвѣчаютъ слабо—снарядовъ мало. Въ 10 часовъ однимъ изъ 11-ти дюймовыхъ снарядовъ на форту 2-мъ взорваны наши ручныя гранаты, сложенныя въ укрытомъ мѣстѣ, и загорѣлись свѣтящіяся ракеты. Весь фортъ въ огнѣ, орудія подбиты, пулеметы исковерканы. Съ 3-хъ часовъ канонада; къ артиллерійской пальбѣ присоединяются ружейныя пачки и пулеметное татаканіе—бой достигаетъ высшей точки. Все сливается въ общій гулъ-трескъ; отдѣльныхъ выстрѣловъ и взрывовъ уже не слышно, но нѣтъ и момента тишины. Въ лощинахъ, въ оврагахъ, долинахъ, на сопкахъ, на укрѣпленіяхъ и высоко-высоко въ безоблачномъ, какъ лѣтомъ, небѣ рвутся снаряды, во всѣ стороны летятъ осколки, пули, камни, земля дрожитъ и стонетъ.

Къ 5 часамъ огонь нашихъ батарей настолько ослабъ, что японцы колоннами, почти безнаказанно, достигли форта и укрѣпленія 3-го и бросились на штурмъ, но встрѣченные пачками и штыками, взять ихъ не могли и отошли, наполнивъ наружный ровъ форта и покрывъ гласисъ трупами; изъ труповъ-же подъ гласисомъ они сложили цѣлый брустверъ. Ночь пріостанавливаетъ штурмы, но артиллерійскій огонь не

смолкаетъ до утра и мѣшаетъ сдѣлать хоть какія-нибудь исправленія; тогда какъ японцы, небезпокоемые нашей артилеріей по недостатку снарядовъ, успѣваютъ устроиться въ занятыхъ ими передъ фортомъ и укрѣпленіемъ № 3-й окопахъ, поставить тамъ пулеметы, и всѣ наши попытки отогнать ихъ остаются тщетными. Правые фланги окоповъ остаются въ рукахъ японцевъ, лѣвые—занимаютъ наши, и только траверсы раздѣляютъ ихъ. На форту 2-мъ отъ 11-ти дюймовокъ уже некуда прятаться. Верхъ бетоннаго каземата превращается въ рѣшето. Днемъ 14-го на фортъ 2-й прибылъ комендантъ крѣпости, генералъ Смирновъ. Рѣшено было взорвать мины, заложенныя навстрѣчу японской минной галлереѣ. Самъ комендантъ замкнулъ токъ электрическихъ проводовъ, и произошелъ взрывъ—въ воздухъ полетѣли доски, бревна, камни, но къ сожалѣнію, не было ни одного японца; камуфлетъ вышелъ въ пустую, такъ какъ у японцевъ была готова другая галлерея, упиравшаяся въ наружную стѣнку головного капонира. Вечеромъ японцы произвели взрывъ. Въ наружной стѣнкѣ головного капонира форта № 2 получилась брешь, радіусомъ больше аршина. Къ часу ночи мы наскоро успѣли задѣлать ее, заложивъ мѣшками съ землею. Но въ 2 часа раздался новый взрывъ, мѣшки разметало, огонь въ капонирѣ погасъ, въ стѣнкѣ получилась еще большая дыра, и въ нее повалили валомъ японцы. Начался бой даже уже нештыковый, по тѣснотѣ помѣщенія, а кулаками, зубами и чѣмъ попало. Къ 7-ми часамъ утра ввалившіеся японцы въ капонирѣ были перебиты, новые-же не влѣзали и наши опять заложили мѣшками дыру. Въ капонирѣ остался принесенный японцами ручной пулеметъ со множествомъ патроновъ на металлическихъ лентахъ.

Весь день 15-го продолжаютъ бомбардировать ту-же часть позиціи, и главнымъ образомъ засыпаютъ опять-таки на моемъ участкѣ слабѣйшій пунктъ — открытый капониръ; единственное его орудіе подбито, убыль въ людяхъ громадна,

окопы и блиндажи разбиты. Ночью на 2-мъ форту опять 2 взрыва—головной капониръ окончательно разрушенъ, японцы заняли напольный ровъ, загородились траверсами.

Весь день 16-го, ночь и 17-е октября канонада не стихаетъ.

Очевидно, японцы рѣшили въ день рожденія Микадо, 21 октября, поднести ему въ качествѣ именинаго пирога отъ 3-й арміи крѣпость Портъ-Артуръ.

Пять дней ужасной орудійной пальбы разбили наши форты 2-й и 3-й, укрѣпленіе 3-е, капониръ 2-й, люнетъ Куропаткина и Китайскую стѣнку. На мѣстѣ бывшихъ окоповъ, брустверовъ, блиндажей — груды щепокъ, песку, чугуна и камней и тѣла убитыхъ.

Къ 11 часамъ дня 17-го трескъ отъ взрывовъ опять сливается въ сплошной гулъ. Стоитъ опять какой-то адъ, укрѣпленные пункты закрылись пыльевымъ облакомъ, дымящимся отъ безчисленныхъ взрывовъ гранатъ и освѣщаемыхъ изнутри заревомъ.

Въ подбрасываемыхъ къ намъ чрезъ китайцевъ прокламаціяхъ японцы обѣщали „смести Портъ-Артуръ“, и теперь чувствуется въ великому огорченію, что это не утопія— 500 фунтовыя бомбы японцевъ, дѣйствительно сметаютъ наши слабыя укрѣпленія, какъ соръ, помеломъ.

Трудно передать, что было въ это утро. Бой подъ Киньчжоу меркнетъ передъ этимъ боемъ. Да и можно-ли назвать это боемъ, если бьетъ и убиваетъ только артиллерія врага, наша разсчитываетъ каждый снарядъ и стрѣляетъ только, когда пѣхота противника бросается на штурмъ, да и то рѣдко.

Приходится истомленнымъ голоднымъ стрѣлкамъ штыкомъ и пулею бороться противъ бризантныхъ снарядовъ и замѣнять крѣпостныя твердыни своей солдатской грудью.

„Нѣтъ возможности держаться“, вотъ слова, которыя я слышу отовсюду, бѣгая по своему участку. И все-таки дер-

жатся на развалинахъ, да еще пользуются малѣйшей возможностью выпустить одну, другую обоїму въ насѣдающаго со всѣхъ сторонъ врага.

Ровно въ 12 часовъ дня передъ люнетомъ Куропаткина появилась большая колонна японцевъ. Подъ прикрытіемъ своей артиллеріи они приближаются чуть-ли не церемоніальнымъ маршемъ, шагомъ, съ улыбающимися физіономіями, пальцами они указываютъ на рвущуюся высоко въ небѣ безчисленную шрапнель, а съ нашей стороны ни выстрѣла, и некому запустить хоть камнемъ, чтобы заставить ненавистнаго врага не улыбаться, не парадировать, занимая русское укрѣпленіе.

А они все идутъ и идутъ. Передніе скрываются уже подъ брустверомъ. Та же картина на форту 2-мъ и 3-мъ и капонирѣ 2-мъ; вотъ появились на нашихъ брустверахъ японскіе флачки съ кровавымъ кругомъ, и тогда наши стрѣлки, встаютъ, какъ мертвецы изъ могилъ, дождались конца адскаго огня артиллеріи, бѣгутъ, ползутъ къ разрушеннымъ брустверамъ, открываютъ огонь пачками, бросаютъ бомбочками, колятъ штыками. Заговорила наша полевая артиллерія, и черезъ 10 — 15 минутъ картина мѣняется — японцы бѣгутъ; люнетъ, форты, капониръ опять наши.

Къ 2-мъ часамъ дождь изъ чугуна, свинца и стали начинаетъ ослабѣвать и къ вечеру переходитъ въ обычное обстрѣливаніе позицій и бомбардированіе города.

Именинный пирогъ, который всемѣрно торопился нашъ врагъ поднести Микадо, не удался — Артуръ устоялъ, хотя и дорого намъ стоилъ; мы потеряли за эти дни 17 офицеровъ и 599 нижнихъ чиновъ убитыми и 68 офицеровъ и 3810 нижнихъ чиновъ ранеными. Общія потери японцевъ, по ихъ свѣдѣніямъ въ октябрѣ, выразилось цифрою 13000, по свѣдѣніямъ-же взятыхъ въ плѣнъ, свыше 17-тысячъ.

Бѣгая подъ огнемъ по ввѣренному мнѣ участку, я какъ-то оступился и повихнулъ ногу. Это было въ послѣдній день

октябрскихъ штурмовъ. Не почувствовавъ сразу никакоїї боли, я продолжалъ исполнять свои обязанности, но къ вечеру у меня такъ разболѣлась правая ступня, что я не могъ ступить на ногу, едва сдерживался, чтобы не кричать отъ боли, и ночью вынужденъ былъ покинуть позиціи. Меня на носилкахъ отнесли въ городъ. Оказалось, что былъ пустякъ — растяженіе сухожилія съ подкожнымъ кровоизліяніемъ, и уже на 3 й день, хоть и съ костылемъ, я съ радостью вернулся къ своимъ стрѣлкамъ.

Добрался я до своего Орлинаго гнѣзда только къ ночи, она начинается теперь уже съ 6 часовъ. Результатомъ октябрьскихъ штурмовъ для японцевъ было то, что они подошли вплотную ко всѣмъ нашимъ убогимъ укрѣпленіямъ и присосались какъ піявки по всеї линіи отъ люнета Куропаткина и кончая укрѣпленіемъ 3-мъ на разстояніи почти 5 верстъ. На форту 2-мъ они сидятъ въ напольномъ рву, устроивши надъ головами настилку изъ бревенъ и досокъ, такъ-что бросаемыя нашими съ бруствера ручныя гранаты имъ вреда не приносятъ, и принялись за минную галлерею подъ брустверъ. На капонирѣ № 2 имъ удалось занять весь передній окопъ; здѣсь наши отошли за Китайскую стѣнку, которая и раздѣляетъ насъ съ ними; на форту и укрѣпленіи 3-мъ, какъ я уже говорилъ, японцы занимаютъ наполовину съ нашими окопы по гласисамъ; здѣсь японцы тоже повели минныя галлереи, что вытекаетъ изъ отчетливо слышныхъ подземныхъ звуковъ отъ ударовъ въ каменистомъ грунтѣ киркою и лопатою.

У насъ принялись за контръ-мины на фортахъ, углубленіе и рытье ходовъ сообщенія и устройство траверсовъ за Китайской стѣнкой и по дорогамъ, такъ-какъ теперь, благодаря близости, японцы навели ружья со станковъ и пулеметы вдоль стѣнки и дорогъ, и движеніе даже одиночныхъ людей не проходитъ безнаказанно. Съ редута 1-го японцы приближаются траверсами къ углу Китайскоїї стѣнки, гдѣ

расположена 10-я рота моего баталіона. Разстояніе между ими и нами здѣсь 60 шаговъ, въ другихъ пунктахъ еще меньше всего 30 — 40 шаговъ; перебрасываемся ручными бомбочками, выцѣливаемъ другъ друга въ боёвицы. Идетъ охота на людей. Одинъ ротный командиръ (поручикъ Петровъ) назначилъ премію—за каждаго убитаго японца чарку водки, и бывали дни, когда онъ выдавалъ до $2^1/_2$ бутылокъ, хотя говоритъ, что и тутъ находились шуллера, показывали по нѣсколько разъ одного и того-же убитаго; хотя считать было не трудно, такъ какъ японцы своихъ убитыхъ тотчасъ-же выбрасывали въ нашу сторону, нисколько не считаясь съ тѣмъ, что разложеніе труповъ было нежелательно въ одинаковой мѣрѣ какъ намъ, такъ и имъ. Эта близость породила шутливые разговоры. Раздается гудѣніе медленнолетящаго 11-ти дюймоваго снаряда, и японцы кричатъ „берегись“, нашей береговой электрической батареѣ совѣтуютъ не стрѣлять такъ далеко, а то „въ Куропаткина попадетъ“.

Въ городѣ почти ежедневно пожары отъ разрывовъ снарядовъ; пока преимущественно въ старомъ городѣ, отъ большинства магазиновъ остались однѣ головешки. Потоплены снарядами-же мелкіе суда: Забіяка, Нингута, Зея, Бурея, Гиринъ; 21 октября пустили ко дну транспортное судно Ангару, приспособленное подъ плавучій лазаретъ; благодаря тому, что Ангара затонула въ мелководномъ западномъ бассейнѣ, всѣхъ раненыхъ удалось снять. Госпиталя переполнены; къ 10 имѣвшимся добавлены еще 2; тифъ и цынга свирѣпствуютъ; заживленіе ранъ даже и безъ поврежденія кости, благодаря ослабленному питанію, протекаетъ чрезвычайно медленно. Куриная слѣпота развивается не только у нижнихъ чиновъ, но и у офицеровъ.

Конецъ октября и начало ноября японцы проводятъ въ подготовкѣ къ новымъ штурмамъ, не переставая въ тоже время обстрѣливать нашихъ позицій и тыла и держать насъ въ постоянной готовности и тревогѣ. Днемъ намъ отлично

видно, какъ проходятъ ихъ обозы отъ 50 до 300 повозокъ и вьюковъ; пѣхота въ баталіонныхъ колоннахъ; всадники группами до 200 человѣкъ; всѣ эти движенія намъ видны, но препятствовать имъ крѣпость не можетъ — снарядовъ у дальнобойныхъ орудій осталось такое ограниченное количество, что, дай Богъ, чтобы хватило на отраженіе одного—двухъ штурмовъ (мелкихъ снарядовъ, какъ напримѣръ, къ пушкамъ Барановскаго и 37-ми милиметровыхъ еще достаточно, но дальность ихъ слишкомъ невелика и разрушительное дѣйствіе незначительно).

Что-же касается снарядовъ къ крупнымъ орудіямъ мнѣ не забыть, слышанную какъ-то отъ начальника нашего артиллерійскаго сектора (капитана Зейцъ), наблюдавшаго за изготовленіемъ въ портовыхъ мастерскихъ 6-ти дюймовыхъ снарядовъ, такую фразу: „завтра мы богачи, успѣли сдѣлать за день 36 снарядовъ“. Для 11-ти дюймовыхъ орудій наша артиллерія съ успѣхомъ пользовалась японскими снарядами, которые, прилетая въ городъ и на позиціи, часто не разрывались и валялись, зарывшись въ землю, какъ жирныя свиньи, наши ихъ собирали, и артиллеристы мѣняли у нихъ ударныя трубки, и они отправлялись обратно къ своимъ хозяевамъ. Но уже въ ноябрѣ неразрывающихся снарядовъ не было; вѣроятно, газета „Новый Край“, которая, конечно попадала и къ японцамъ, оказала имъ услугу и въ этомъ отношеніи, такъ какъ обстоятельно сообщала всякія подробности о стрѣльбѣ ихъ артиллеріи. Съ началомъ ноября, стоявшая послѣднія 3 недѣли отличная теплая днемъ — солнечная погода сразу измѣнилась. Ночью на 2-е былъ морозъ градусовъ 5, а къ разсвѣту пошелъ снѣгъ, и къ 7 часамъ все покрылось бѣлымъ саваномъ. Все измѣнило свой видъ, стало казаться ближе, горы ниже, площе, силуэты выдѣляются рѣзче. Зима наступила; но не наша россійская зима съ пушистымъ снѣгомъ. Здѣшній снѣгъ напоминаетъ крупу; все обледенѣло, вихрь вѣтра крутитъ и бро-

саетъ эту крупу, перемѣшивая ее съ пылью и пескомъ, что затрудняетъ не только стрѣльбу, но и наблюденіе постовъ.

Продовольственный вопросъ къ 1-му ноябрю стоитъ такъ: разъ въ недѣлю мясные консервы, одна порція на троихъ, два раза супъ съ конскимъ мясомъ въ крошку, по расчету четверть фунта на человѣка, остальные дни супъ изъ чумизы, крупы или китайскихъ бобовъ съ небольшимъ добавкомъ сала. Хлѣба чернаго много, выдаютъ полностью. Иногда удается купить мелкой рыбы, вродѣ плотвы, только съ сильнымъ непріятнымъ запахомъ, на уху, которую стрѣлки ѣдятъ охотно. Чай и сахаръ выдаются въ достаточномъ количествѣ.

Усиленнаго штурма мы ожидаемъ на 9-е ноября, такъ какъ это день десятилѣтія взятія Артура японцами у китайцевъ. Въ 1894 году въ этотъ день къ вечеру на Золотой горѣ уже развивался японскій національный флагъ. Заняли они его послѣ непродолжительнаго боя, потерявъ всего 11 человѣкъ, потери китайцевъ были около 400 человѣкъ.

Но очевидно къ этому дню японцы не успѣли подвезти комплекта снарядовъ, и къ нимъ не подошли свѣжія войска, привезенныя по сообщеніямъ китайцевъ съ острова Формозы, въ числѣ до 30-ти тысячъ, и штурма не было.

До 13-го японцы ограничиваются забрасываніемъ снарядами нашихъ позицій и пробой что-нибудь урвать натискомъ небольшихъ партій, преимущественно ночью, но это имъ не удается.

VIII.

«Начало конца».

13 ноября съ 8 часовъ утра начинается бомбардировка все того же участка Восточнаго фронта: укрѣпленіе литера Б., люнетъ Куропаткина, фортъ 2-й, Китайская стѣнка, Большое и Малое Орлиное гнѣздо, Заредутная, фортъ 3-й, укрѣпленіе 3-е, Курганная батарея.

Опять безъ умолку гремятъ орудія, стоитъ ревъ, грохотъ, трескъ. На протяженіи 5 верстъ все въ дыму. Въ 12 часовъ, какъ по сигналу, начинается ружейная трескотня. Бросаются на штурмы перечисленныхъ пунктовъ. На моемъ баталіонномъ участкѣ японцы, выскочивъ изъ за траверсовъ передъ редутомъ 1-мъ, стремглавъ перебѣжали раздѣлявшіе насъ 60—70 шаговъ подъ прикрытіемъ густого дыма отъ разрывовъ вплотную къ Китайской стѣнкѣ и, просунувъ въ наши бойницы, оставшіеся за убылью людей свободными, свои винтовки и открыли огонь пачками, а черезъ стѣнку полетѣли лидитныя и пироксилиновыя шашки. 10-я рота перебита и перерапена вся, японцы уже перепрыгиваютъ черезъ стѣнку—ихъ приняла въ штыки 11-я рота, стоявшая правѣе атакованнаго угла, теперь въ свою очередь мы забрасываемъ ихъ бомбочками, колимъ штыками, и стѣнка опять наша, лѣпимся на обломкахъ ея и стрѣляемъ пачками по бѣгущимъ, пока по насъ опять не начнутъ жарить артиллерія. На форту 2-мъ японцы успѣли изъ напольнаго рва забраться кверху и заняли уже правую сто-

рону бруствера—но храбрая горсть стрѣлковъ 25-го полка подъ личнымъ руководствомъ героя поручика Флорова тѣми же бомбочками и штыками перебили всѣхъ забравшихся, и опять фортъ за нами. Тоже совершается и на участкѣ—Китайской стѣнки, сзади капонира 2-го, на форту 3-мъ и укрѣпленіи 3-мъ.

Въ 2 часа штурмы повторяются, но вездѣ отбиты; въ 4—бросаются опять и опять отбиты. Напряженіе доходитъ до какого то отупѣнія; голова трещитъ, въ ушахъ звонъ, гулъ. На помощь приходитъ ночь. Стрѣльба становится замѣтно рѣже, но по временамъ вдругъ разгорается вновь, но не на долго, и опять затихаетъ. Всю ночь возводимъ разрушенные днемъ траверсы и Китайскую стѣнку, загораживаемся отъ противника, а онъ бросаетъ въ насъ воздушныя мины, но они, послѣ 11-ти дюймовокъ мало кого пугаютъ, хотя и производятъ страшно рѣзкій трескъ при разрывахъ. Ночью же приводимъ въ извѣстность наши потери и число штыковъ, могущихъ принять участіе въ завтрашнемъ бою. Въ моемъ баталіонѣ убито офицеровъ 2, нижн. чиновъ 28, ранено офицеровъ 4 и 142 нижнихъ чина. Потери наши велики, но и врагъ нашъ опять жестоко поплатился—его потери никакъ не менѣе, чѣмъ вдесятеро больше нашихъ; на моемъ участкѣ мы сложили въ три могилы 286 ихъ трупа, да много еще осталось за стѣнкой. Къ утру въ моемъ баталіонѣ 247 штыковъ. 14-го и 15-го ноября на Китайской стѣнкѣ потише. Японцы въ открытый штурмъ не идутъ, но продолжаютъ усиленно обстрѣливать артиллеріей, а смѣльчаки подтаскиваютъ къ стѣнкѣ бамбуковые шесты, начиненные лидитомъ, съ цѣлью взорвать стѣнку, но всякій разъ, встрѣчаемые ружейнымъ огнемъ, не достигаютъ цѣли.

Усиленно бомбардируютъ и лѣзутъ штурмомъ на Высокую гору. По ней не перестаютъ бить даже и ночью. Достается и форту 3-му, укрѣпленію 3-му и Курганной батареѣ.

16 ноября на нашемъ фронтѣ почти тихо. На Высокой продолжается адъ. По неимѣнію резервовъ туда посылаются уже нестроевыя роты.

Всѣ могущіе держать въ рукахъ ружье – поставлены въ строй, даже служителя изъ госпиталей изъяты и посланы на позиціи, прислуживаютъ другъ другу сами раненые и больные.

Въ лощинѣ сзади штаба нашего отряда китайцы подъ начальствомъ жандармовъ свозятъ и зарываютъ убитыхъ, а ихъ много, тутъ и наши и японскіе. 17-го съ утра засыпается всевозможными снарядами весь нашъ участокъ на Восточномъ фронтѣ, но штурмуютъ исключительно Высокую. Этотъ пунктъ, очевидно, они избрали какъ самый важный. Съ занятіемъ его они пріобрѣтаютъ положеніе дающее возможность поражать въ тылъ весь нашъ Восточный фронтъ, вести корректуру стрѣльбы по городу и внутреннему рейду и легчайшіе подступы къ Новому городу, неимѣющему даже центральной ограды. Вотъ почему ими и обращено все вниманіе на эту гору, на которой у насъ были только полевые окопы, теперь уже сравненные японскими гранатами съ поверхностью. Японцы идутъ здѣсь всею массою, неся передъ собою своихъ боговъ, въ сопровожденіи бонзъ и музыки. Но и это не помогаетъ—Высокая держится.

19-го было потише, и генералъ Стессель отдалъ приказъ, № 865-й.

Приказъ

по войскамъ Квантунскаго укр. раіона 19 ноября 1904 г.
№ 865.

Сейчасъ вернулся отъ полковника Ирмана. Высокая вся наша! Ура вамъ герои! Помолимся Богу. Вы сдѣлали невозможное, которое оказалось возможнымъ только для такихъ героевъ какъ Вы. Начиная съ 7-го числа сего мѣсяца по

19-е, т. е. впродолженіи 12 сутокъ, отъ лит. А, на лит. Б, Куропаткинскій люнетъ, фортъ 2-й, Китайскую стѣнку, фортъ № 3, вр. укрѣпленіе № 3, Курганную батарею, Паплунчшань и кончая Высокой и позиціей на Голубиной бухтѣ, т. е. отъ моря и до моря противникъ посылалъ и посылалъ свои войска на штурмы; шли они и дни и ночи, шли не жалѣя себя, ложились они подъ Вашими ударами массою, но Вы не дали имъ пяди земли. Что было у насъ до 7, то осталось и послѣ 18-го. Осмѣливаюсь отъ имени Государя Императора, какъ Его генералъ-адъютантъ, объявить Вамъ благодарность Его Императорскаго Величества. Вы порадовали батюшку Царя. Да здравствуетъ нашъ Отецъ. Ура!

Подл. подп. начальн. Квант. укр. раіона
Генералъ-адъютантъ *Стессель.*

Съ подл. вѣрно:
нач. штаба Полковн. *Рейсъ.*

Но это не былъ еще конецъ штурмамъ. Пріостановивъ ихъ на нашемъ Восточномъ фронтѣ, японцы продолжали бить, какъ молотомъ, огромными 13-ти пудовыми бомбами по Высокой, разбивая въ куски не только убогіе наши ложементы, но и самую скалу. Ни какое описаніе не дастъ картины ужаснаго избіенія на Высокой. 22 ноября къ вечеру она пала Генералъ Кондратенко тогда-же сказалъ: „Это начало конца“. Утромъ 23-го мы получили новый приказъ генерала Стессель—вотъ онъ:

№ 888.

Вчера 22 ноября съ 7 часовъ утра непріятель снова повелъ наступленіе на „Высокую“, открывъ при этомъ адскую бомбардировку, 11 и 6 дюймовыми бомбами, уничтожившую всѣ укрытія; нѣсколько отчаянныхъ натисковъ про-

тивника были отбиты нашими геройскими войсками. Не смотря на большія потери, Вы держались какъ скала. Къ вечеру однако непріятелю удалось овладѣть вершиною, куда они быстро втащили два пулемета и живо укрѣпились выложивъ мѣшками. До глубокой ночи шелъ бой, такъ какъ противникъ одновременно повелъ атаки и на участки Восточнаго фронта, но здѣсь вездѣ былъ отбитъ. Въ виду неуспѣшности нашей контръ-атаки на Высокую, для обратнаго завладѣнія вершинами горы, я приказалъ занять основную линію обороны крѣпости Западнаго фронта. Я увѣренъ, что коменданты фортовъ Западнаго фронта съ ввѣренными имъ геройскими войсками, также отобьютъ атаки, какъ отбиваются они на Восточномъ фронтѣ. За геройскіе же бои объявляю душевную благодарность войскамъ, равныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ.

Подл. подп. начальн. Квант. укр. раіона
Генералъ-адъютантъ *Стессель.*

Съ подл. вѣрно:
нач. штаба Полковн. *Рейсъ.*

Потери японцевъ съ 13 по 23-е, по ихъ свѣдѣніямъ, было 12000 чел., у насъ убито 37 офицеровъ и 1148 нижнихъ чиновъ, ранено 116 офицеровъ и 5438 нижнихъ чина.

Въ процентномъ отношеніи наши потери были конечно гораздо чувствительнѣе, чѣмъ у японцевъ, и равнялись по числу оставшихся на позиціяхъ 37-ми %%. Съ этого дня наше положеніе страшно ухудшилось.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о 20-мъ ноябрѣ. Было великолѣпное солнечное утро. На нашемъ участкѣ, вопреки обыкновенію, полная тишина, которая скоро объяснилась желаніемъ японцевъ подобрать трупы убитыхъ. Въ разныхъ пунктахъ они выставили изъ-за своихъ

брустверовъ по три флага — бѣлый съ краснымъ крестомъ, бѣлый съ краснымъ кругомъ и совершенно бѣлый и настойчиво выкрикивали по русски „Не стрѣляйте, лусски, позвольте убрать нашихъ убитыхъ“. Это было сообщено по телефону въ штабы, и въ 11 часовъ пришло разрѣшеніе. Поле сраженіи преобразилось. Тамъ, гдѣ только что бились на смерть, лилась кровь, разрывались снаряды—вдругъ все приняло необычайный видъ. Сошлись враги, пожимаютъ руки другъ-другу, на лицахъ появилась первая за долгое время улыбка... Наши помогаютъ японцамъ оттаскивать трупы убитыхъ, съ одного конца носилки берутъ русскіе, съ другого японцы. Нѣтъ ни злобы, ни насмѣшекъ. Стрѣлки держатъ себя теперь солидно, не только не лѣзутъ въ карманы убитыхъ, но не трогаютъ предметовъ валяющихся на землѣ. Офицеры сошлись на серединѣ разстоянія, отдѣляющаго японскіе траверсы отъ нашей стѣнки, но разговоръ у насъ не клеится, такъ какъ японскіе офицеры знаками объясняютъ, что они не понимаютъ ни по русски, ни по французски, ни по нѣмецки. Японцы предлагаютъ нашимъ пиво, саки, конфекты, мы могли предложить только водки—больше у насъ ничего не было. Японскіе офицеры на первый взглядъ мало разнятся отъ своихъ нижнихъ чиновъ, какъ по костюму, такъ и по наружности, погонъ ни у кого не было и отличія заключались въ числѣ звѣздочекъ и нашивокъ изъ шнурка на рукавахъ и фуражкахъ. Когда появился переводчикъ, очень живой и юркій японецъ, посыпались вопросы, послышался смѣхъ; я задалъ ему вопросъ, почему они такъ настойчиво требовали разрѣшенія убрать трупы теперь, когда, благодаря морозамъ, они никому не причиняли безпокойства, а въ августѣ въ жару, наоборотъ, ни только не убирали сами, но не допускали и нашихъ. Переводчикъ замѣтно смѣшался и отвѣтилъ, что это было по недоразумѣнію. Японцы черезъ того же переводчика выражаютъ свое удивленіе по поводу упорной обороны, приглашаютъ насъ послѣ войны къ себѣ

въ гости въ Нагасаки, наши — тоже послѣ войны, въ Артуръ—смѣхъ.

Уборка продолжалась часа два, около насъ было подобрано 186 японскихъ труповъ, причемъ оставшихся послѣ августовскихъ штурмовъ не трогали, такъ какъ они совершенно истлѣли и какъ бы срослись съ землею. Около 2-хъ часовъ дня была подана команда разойтись по своимъ позиціямъ. Перемиріе окончилось. Мы попрощались со своими врагами и отправились за китайскую стѣнку. Флаги убрали и перестрѣлка началась, хотя правда не сразу, какъ то лѣниво...

Съ перваго же дня паденія „Высокой“, началось разстрѣливаніе нашихъ броненосцевъ, крейсеровъ и остальныхъ судовъ.

Къ вечеру 24-го уже затонули: „Ретвизанъ“, „Полтава“, „Побѣда“, „Паллада“. Затонули они на мелководьѣ по броневую палубу, но теперь уже никакія пластыри не помогутъ. Отъ насъ съ Орлинаго хорошо видно этихъ пригвожденныхъ неподвижныхъ гигантовъ. Многіе не могутъ сдержать слезы, глядя на нихъ. Чувствуется всѣми, что это начало конца. Намъ, пѣхотѣ, казалось дикимъ, что всѣ эти суда оставались стоять на одной точкѣ, когда къ нимъ пристрѣливалась японская артиллерія, и терпѣливо ждали своей смерти на мели. Ушелъ же по настоянію генерала Стесселя, не имѣвшаго власти надъ флотомъ, броненосецъ „Севастополь“ съ послѣдними миноносцами на внѣшній рейдъ къ Бѣлому Волку и не достался врагу, выдержалъ много минныхъ атакъ, утопилъ 2 японскихъ миноносца, и если въ концѣ концовъ все же погибъ, то затонулъ на такой глубинѣ, что конечно, его поднять японцамъ не удастся.

27-го ноября мнѣ пришлось быть въ городѣ у командира полка. Настроеніе мирныхъ жителей въ высшей степени угнетенное, подавленное. Вездѣ пустота, тишина, кромѣ треска разрывающихся снарядовъ. Въ докѣ, въ порту уже

не стучатъ молотки; все угомонилось. Но кушаютъ, успѣвшіе сдѣлать запасы, недурно.—Меня накормили отличнымъ обѣдомъ съ поросенкомъ, устрицами и на столѣ покрытомъ скатертью. Недурно живутъ и морскіе офицеры, но настроеніе у нихъ еще хуже, чѣмъ у гражданъ; отъ нихъ я впервые услыхалъ ужасное слово „капитуляція“, которое у насъ на позиціяхъ, несмотря на много разъ болѣе тяжелое и неприглядное существованіе, не только никогда не произносилось, но едва ли у кого было и въ мысляхъ.

У каждаго изъ насъ была полная увѣренность, что о сдачѣ не можетъ быть и рѣчи; всѣ ясно сознавали неизбѣжность смерти, но были твердо убѣждены, что дешево своихъ жизней мы не отдадимъ, а гдѣ-то смутно проносилась надежда на выручку съ сѣвера, на появленіе Балтійской эскадры съ снарядами и десантомъ. Поспоривши и поссорившись съ моряками, я отправился на позиціи, приглашая и ихъ перебраться поближе къ японцамъ, чтобы не смотрѣть такъ мрачно и не быть злыми пророками.

Вся дорога, несмотря на темноту, обстрѣливалась японцами изъ наведенныхъ днемъ пулеметовъ и ружей; чѣмъ ближе къ позиціямъ, тѣмъ чаще приходится дѣлать перебѣжки открытыхъ пространствъ. На Большомъ Орлиномъ я засталъ инженера подполковника Рашевскаго, который передалъ мнѣ, что по предположеніямъ начальства, японцы поведутъ теперь штурмъ на наше Орлиное, какъ 2-й высшій пунктъ позиціи, и съ паденіемъ котораго дальнѣйшая защита Артура будетъ немыслима, а потому рѣшено съ сегодняшней-же ночи приступить къ его укрѣпленію. Дѣйствительно, ко мнѣ по ночамъ стали приходить саперы, иногда даже съ гражданскимъ инженеромъ, и производить работы; но начали съ хвоста, да на немъ-же впрочемъ и кончили. Принялись за выдалбливаніе въ скалѣ на половинѣ тылового ската мѣста для грандіознаго блиндажа, мои-же усиленныя просьбы подсобить мнѣ оборудовать стрѣлковые окопы, ходы сообще-

нія, установить единственную 47-ми милиметровую пушку и хоть какъ нибудь подготовить этотъ важный пунктъ для обороны—оставались тщетными, и эти работы производились малочисленнымъ гарнизономъ Орлинаго гнѣзда, дошедшимъ до 18-ти человѣкъ. То, что успѣвали мы сложить за ночь, днемъ разрушали японскіе мины и снаряды. Время шло, работы не подвигались.

Въ концѣ ноября мы были обрадованы слухомъ, что къ намъ прибылъ большой коммерческій пароходъ и привезъ вмѣстѣ съ мукою много орудійныхъ снарядовъ. Это была 1-я и послѣдняя наша получка за все время осады, но и то слухъ оправдался только на половину—муку дѣйствительно привезли, снарядовъ-же не было ни одного.

Затопивъ всѣ наши суда, японцы перенесли огонь своей артиллеріи на Новый городъ. Было естественно, что они разрушали казармы, арсеналъ, склады, порохохранилища, мастерскія, но нельзя было не возмущаться нарушеніемъ правилъ Женевской конвенціи, когда они открывали огонь по госпиталямъ, частнымъ домамъ и когда надъ всѣмъ городомъ рвалась шрапнель, разсчитанная на пораженіе мирныхъ гражданъ. Оправданій, что это были случайныя попаданія не можетъ быть, такъ какъ они съ Высокой великолѣпно видѣли паденіе снарядовъ и корректировали свою стрѣльбу. Доказательствомъ желанія японцевъ бить не только наши войска и разрушать нужныя для войны сооруженія, служитъ и такой примѣръ: еще въ сентябрѣ каждый праздничный день отъ 11-ти до 12-ти часовъ утра японцы открывали огонь по площади, на которой стояла единственная церковь Артура, въ это время оканчивалась церковная служба, и молящіеся расходились по домамъ, о чемъ, конечно, знали японцы отъ жившихъ прежде въ Артурѣ подъ видомъ торговцевъ, парикмахеровъ и чуть ли не прачекъ японскихъ офицеровъ генеральн. штаба. Но они промахнулись. Не знаю, по какимъ причинамъ, съ началомъ осады обѣдню стали со-

вершать не отъ 10 часовъ, какъ было всегда, а отъ 8-ми, такъ что къ 10-ти уже все оканчивалось, и отъ этой праздничной стрѣльбы пострадало деревянное зданіе церкви, а не молящіеся.

Съ началомъ декабря дѣло обороны Портъ-Артура пошло какъ по наклонной плоскости. Какъ лопаются назрѣвшіе нарывы, взрывались японцами мины подъ нашими фортами и укрѣпленіями. Паденіе Артура въ недалекомъ будущемъ сознавалось каждымъ, кто былъ на участкѣ отъ литеры Б. до Курганной батареи; но все же каждое утро вглядываемся мы въ туманную даль сѣвера, ищемъ, ждемъ выручку; смотримъ и въ обратную сторону на безконечное море—не покажется ли наша Балтійская эскадра. Но все напрасно—на сѣверѣ нахально безнаказанно совершаютъ передвиженія японскія войска и обозы, на югѣ неменѣе нахально разгуливаютъ японскіе суда.

Вечеромъ 2-го декабря на форту № 2-ой въ офицерской комнатѣ бетоннаго каземата собрались для рѣшенія вопроса о подготовкѣ форта къ уничтоженію его, посредствомъ закладки минъ. Тутъ были: Начальникъ сухопутной обороны Генералъ Кондратенко, Инженеръ Подполковникъ Рашевскій Начальникъ участка Подполковникъ Науменко, комендантъ форта Поручикъ Флоровъ и еще 11 офицеровъ. Едва ли вызывалось необходимостью такое многочисленное собраніе начальствующихъ лицъ на пунктѣ, гдѣ противникъ былъ такъ близко; японцы сидѣли, какъ я уже говорилъ, въ напольномъ рву т. е. шагахъ въ 14. Они конечно отлично слышали отвѣтъ нижнихъ чиновъ на привѣтствія прибывающихъ начальниковъ и по всей вѣроятности сообщили объ этомъ телефономъ на свои батареи. И вотъ, когда начали обсуждать мѣры, необходимыя для противодѣйствія взрыва японскихъ минъ, которыя видимо были уже закончены, такъ какъ прекратились слышные прежде звуки работающаго инструмента, о подготовкѣ своихъ взрывовъ и о закладкѣ

пироксилиновыхъ зарядовъ въ казематахъ для разрушенія ихъ при оставленіи форта, которое становилось уже неизбѣжнымъ, вдругъ раздалось гудѣніе летящаго снаряда, а затѣмъ страшный его разрывъ и 8 офицеровъ съ Генераломъ Кондратенко во главѣ и 9 нижнихъ чиновъ убиты, 7 офицеровъ и 18 нижнихъ чиновъ ранено. Это сдѣлалъ одинъ одиннадцати дюймовый бронебойный снарядъ. Было больно, обидно, досадно за эти жертвы; они пали не во время жаркаго боя, а, можетъ быть, только благодаря присущей всѣмъ намъ русской безпечности. Впечатлѣніе катастрофы на 2-мъ форту было ужасное.

Генералъ Кондратенко былъ въ высшей степени дѣятельный, энергичный и смѣлый генералъ—онъ какъ начальникъ всей сухопутной обороны очень часто обходилъ наши участки, заглядывалъ въ блиндажи, не пропускалъ безъ вниманія мелочей; отличительной чертой его характера было уваженіе чужого мнѣнія. Несмотря на то, что онъ самъ окончилъ двѣ академіи, онъ никогда несчиталъ себя авторитетомъ во всемъ и для рѣшенія практическихъ вопросовъ обороны шелъ къ намъ въ траншеи, вызывалъ насъ на совѣты, а, выслушавъ, отдавалъ по большей части предпочтеніе нашимъ совѣтамъ и указаніямъ передъ мнѣніемъ своимъ, ссылаясь на то, что намъ на мѣстѣ виднѣе. Мнѣ самому не разъ приходилось получать отъ него приказанія въ такой формѣ: — „Не найдете ли Вы нужнымъ сдѣлать то-то и то-то. Не будетъ ли полезно поступить такъ-то“, и такія приказанія побуждали всегда къ строгому и вдумчивому исполненію ихъ.

Въ числѣ убитыхъ на 2-мъ форту былъ и подполковникъ Рашевскій—безусловно самый энергичный и неутомимый работникъ изъ всѣхъ артурскихъ инженеровъ. Онъ работалъ круглыя сутки по укрѣпленію фортовъ, стѣнки, горъ и проч. Его можно было видѣть вездѣ и всегда совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ къ опасности.

Во второмъ часу дня 5-го декабря на 2-мъ форту японцы произвели давно подготовлявшійся взрывъ. Громадный столбъ дыма и песку покрылъ весь фортъ, а ихъ артилерія засыпала его снарядами. Когда дымъ разсѣялся, обнаружилось, что на воздухъ взлетѣла большая часть брустверa; уцѣлѣвшая часть гарнизона заняла плохенькій ретраншементъ, сложенный стрѣлками изъ 2 рядовъ мѣшковъ, и до 11-ти часовъ ночи не уступала развалинъ форта, но держаться больше было уже невозможно, форта уже не было и Генералъ Фокъ, назначенный начальникомъ сухопутной обороны, приказалъ взорвать пироксилиновые заряды въ казематахъ, заложенные еще по указаніямъ Генерала Кондратенко, и отойти за Китайскую стѣнку, что и было исполнено,—всѣ раненые вынесены, неподбитое орудіе и снаряды вывезены и казематы взорваны, хотя порчи отъ взрывовъ хотѣлось-бы большей.

Къ утру фортъ былъ во власти японцевъ, они вѣнчали мѣшками его горжу, дѣлали ходъ сообщенія въ наружный ровъ, въ казематы втащили горное орудіе. Съ паденіемъ его наше положеніе очень ухудшилось—весь нашъ участокъ Китайской стѣнки обстрѣливался съ форта продольнымъ огнемъ, пришлось вновь сооружать траверсы, а мѣшковъ нѣтъ; складываемъ уже изъ камня.

7 декабря Генералъ Фокъ сдѣлалъ распоряженіе по крѣпостной артилеріи, чтобы она всѣми мѣрами мѣшала японцамъ устраиваться на 2-мъ форту и другихъ пунктахъ, для чего открывать огонь изъ большихъ орудій, не ожидая штурма и не стѣсняясь расходомъ снарядовъ, въ надеждѣ, что для отраженія штурмовъ у насъ хватитъ мелкихъ снарядовъ.

Распоряженіе это исполнялось на половину—батарейные командиры, зная недостатокъ въ снарядахъ, и что подвоза не дождешься, старались имѣть у себя секретно запасецъ, и стрѣляли мало да и попаданія, вслѣдствіе износа тѣла ору-

дій, были незначительны; японцы же видимо успѣли замѣнить много орудій, такъ какъ уменьшившаяся было мѣткость теперь опять увеличилась.

Настроеніе нижнихъ чиновъ становится какимъ то безразличнымъ—надежда на выручку пропала; кольцо образованное противникомъ его окопами съ пушками, пулеметами, минными аппаратами—стягивается все туже; число же защитниковъ съ каждымъ днемъ становится все меньше и меньше, не говоря объ убиваемыхъ и раненыхъ, ежедневно убываетъ съ позицій больныхъ свыше 200 человѣкъ, выздоравливающихъ же очень незначительный процентъ. Тифъ, цынга, дизентерія нашли отлично подготовленную почву въ ослабленныхъ питаніемъ организмахъ. Офицерскій составъ тоже очень порѣдѣлъ: въ рѣдкомъ батальонѣ есть 4 офицера, а въ нѣкоторыхъ заурядъ прапорщикъ командуетъ двумя ротами; я командую 3-мъ батальономъ и въ тоже время 9-й и 2-й ротою, правда что и роты немногочисленны въ одной 38 штыковъ, въ другой 23, да и между этими есть такіе люди, что вслѣдствіе сильной опухоли ногъ не могутъ ходить, а только ползаютъ, а больше сидятъ безотлучно у своихъ бойницъ съ наведенной винтовкой и убѣдительно просятъ въ госпиталь ихъ не отправлять, увѣряя, что теперь ноги не нужны, а руки и глаза еще дѣйствуютъ. Такіе и подобные случаи нерѣдки. У слабой физически горсти людей, бодрость духа не ослабѣвала; относясь безразлично къ вопросу о своей жизни каждый проникся сознаніемъ долга стоять за честь родины, биться до послѣдней капли крови, всѣмъ сложить головы, но не сдаваться.

IX.

«Конецъ Артура».

15 декабря начался послѣдній главный штурмъ. Около 8 часовъ утра роздались оглушительные взрывы на форту № 3-й. На обломкахъ его наши держались до 4-хъ часовъ дня. Японцы, подъ прикрытіемъ какъ всегда своей артиллеріи, повели штурмовыя колонны по полученнымъ отъ взрыва обваламъ на гласисѣ и брустверѣ на этотъ фортъ. Къ 5-ти часамъ большая половина форта была въ рукахъ японцевъ, къ 8-ми часамъ вечера они втащили на фортъ свои пулеметы, малыя пушки и минный аппаратъ. Предпринятая нашими войсками контръ-атака была безуспѣшна и къ утру 16 декабря японцы заняли весь фортъ.

На участкѣ моего баталіона 15-го—штурма не было, но весь день и всю ночь насъ забрасывали бомбами, минами и всевозможными снарядами; съ этого-же началось и 16-е декабря. Къ 5 часамъ они успѣли разрушить часть стѣнки и повалить всѣ траверсы защищавшіе насъ отъ стрѣльбы съ редутовъ, на которыхъ у нихъ стояли минные аппараты и изъ за мѣшковъ въ 30 шагахъ отъ насъ, за которыми стояли ихъ пулеметы. Огонь былъ настолько непрерывенъ, что въ теченіе дня не представилось возможнымъ посылать за обѣдомъ даже одиночныхъ людей, такъ нашъ полкъ и не пообѣдалъ, хотя штурма у насъ и не было.

18 декабря въ 9 час. 15 мин. утра раздался первый взрывъ на укрѣпленіи 3-мъ, за нимъ второй и полетѣли со всѣхъ сторонъ туда-же снаряды изъ массы орудій. Только черезъ 40 минутъ разсѣялся немного дымъ и пыль и моимъ глазамъ съ Орлинаго представилась такая картина: — вся передняя часть укрѣпленія № 3-й разрушена вплоть до ре-

траншемента; японцы густою массою перебираются изъ напольнаго рва по полученному обвалу на ретраншементъ и распространяются по всему укрѣпленію. Нашихъ живыхъ нигдѣ на укрѣпленіи не видно. Оказалось, что когда гарнизонъ укрѣпленія бросился изъ горжевыхъ казематовъ черезъ потерну, чтобы успѣть вѣнчать получившіеся отъ первыхъ двухъ взрывовъ воронки, раздался третій взрывъ и 140 человѣкъ вмѣстѣ съ комендантомъ были погребены въ обрушившейся потернѣ. Черезъ 5 минутъ послѣ этого все укрѣпленіе было въ рукахъ японцевъ.

Не прекращая артиллерійскаго огня, около часу дня японцы крытымъ ходомъ съ форта № 3-й бросаются на Китайскую стѣнку у Скалистаго кряжа и хотя встрѣчаютъ отчаянное сопротивленіе стрѣлковъ и поражаемые нашими легкими пушками, несутъ громадныя потери, но все-же къ 4 часамъ успѣваютъ занять горку правѣе Скалистой.

Въ $4^1/_2$ часа раздаются одинъ за другимъ два взрыва на Китайской стѣнкѣ въ моемъ баталіонѣ въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ былъ бой 13 ноября. Уголъ стѣнки взорванъ, получился разрывъ, мой батальонъ отрѣзанъ отъ 2-го. Кое-какъ подъ огнемъ складываемъ траверсъ, связываемся и непрерывно поражаемъ противника бомбочками, они устанавливаютъ пулеметъ.

Вечеромъ отдается приказаніе объ отходѣ нашего и 13 полковъ отъ стѣнки назадъ въ окопы по Митрофаньевской и другимъ горамъ. Большое Орлиное гнѣздо справа и Курганная батарея слѣва остаются передовыми пунктами. По телефону генералъ Горбатовскій передаетъ мнѣ о необходимости удержать во что-бы то ни стало Большое Орлиное, хотя высказываетъ, что при нашихъ силахъ и средствахъ это сдѣлать трудно. Гарнизонъ Орлинаго въ это время состоялъ изъ 22 стрѣлковъ и 4-хъ матросовъ съ прапорщикомъ (Гюппенен) при единственной 47-ми миллиметровой пушкѣ. Рѣшено было увеличить гарнизонъ до 65 человѣкъ, такъ-какъ больше не могло помѣститься въ имѣвшихся око-

пахъ, а затѣмъ будетъ присылаться пополненіе изъ ротъ отошедшихъ назадъ. Генералъ Горбатовскій передалъ еще, что имъ сдѣлано распоряженіе о немедленной доставкѣ ко мнѣ 3-хъ пулеметовъ и о высылкѣ для ночныхъ работъ команды матросовъ подъ руководствомъ инженеровъ. Дѣйствительно въ эту ночь мнѣ пришлось познакомиться сразу съ тремя инженерами. Сдѣлать въ одну ночь что нибудь серьезное, да еще подъ огнемъ, конечно, было трудно, тѣмъ болѣе, что пришедшіе на работу матросы, днемъ составляли резервъ и все время бѣгали отъ одного атакуемаго пункта къ другому, не ѣли весь день, были сильно уставши и работали вяло. Мнѣ приходилось дѣлать распоряженія по батальону, то и дѣло спускаться внизъ для указанія мѣстъ ротамъ отходящимъ отъ стѣнки.

Въ 4 часа на стѣнкѣ были оставлены по три стрѣлка отъ роты, которые продолжали стрѣлять для маскировки отхода остальныхъ.

На Орлиное прибыла охотничья команда моего батальона подъ начальствомъ подпоручика Гринцевичъ и число защитниковъ Орлинаго возросло до 68 человѣкъ.

Мы успѣли установить подъ платформою, на которой находились мертвецы — орудія Канэ, 47-ми миллиметровую пушку, врыли въ нѣсколькихъ мѣстахъ импровизированныя пушки—гильзы отъ 6-ти дюймовокъ, начинивъ ихъ камнями и осколками и приспособивъ къ нимъ бикфордовъ шнуръ для производства выстрѣла при штурмѣ. Къ утру прибыли 3 пулемета, но умѣющихъ обращаться съ ними былъ только одинъ матросъ. Влѣво отъ Орлинаго запылали блиндажи, подожженные отошедшими отъ стѣнки стрѣлками 13 полка; у Скалистой взорвали Волчью мортирную батарею. Съ Заредутной орудія за ночь сняли. Весь гребень горъ влѣво отъ Орлинаго на 2 версты обнажился.

Отъ нижней части ската Орлинаго справа расположилась въ окопѣ 12 рота въ числѣ 40 человѣкъ; сзади Орлинаго

въ ходахъ сообщенія, по скату оврага стали остальныя роты моего батальона — для воспрепятствованія обхода слѣва и тыла.

Еще было темно, когда слухъ сталъ улавливать голоса японцевъ, встрѣчавшихъ 1-й день Новаго года.

Съ первыми лучами свѣта передъ нами стали вырисовываться ихъ силуэты, выроставшіе изъ за гребней Заредутныхъ и Скалистой горъ.

Чѣмъ свѣтлѣе становилось тѣмъ больше покрывались скаты взобравшимися кверху и теперь спускавшимися уже по скату въ нашу сторону не шеренгами, а кучками японцевъ. Обѣжавъ расположившихся въ окопахъ стрѣлковъ, я приказалъ до моей команды огня не открывать, такъ-какъ прицѣлиться за темнотою было еще трудно. По тому гвалту и безпорядочному движенію, которое было замѣтно у японцевъ я думаю, что они предполагали, что мы ушли не только отъ стѣнки на ближайшія сопки, а должно-быть на самый Ляотешанъ, такъ казались они мнѣ безпечны; нѣкоторые были даже безъ ружей.

Какъ только явилась возможность прицѣлиться я выстрѣлилъ въ шедшаго по дорогѣ къ намъ японца и увидѣвъ результатъ, скомандовалъ „Пачки“. Охотники сидѣли всѣ уже съ наведенными винтовками и моментально развили страшный огонь; японцы ринулись обратно за гребни, но мало кому изъ рискнувшихъ спуститься удалось вернуться. Слишкомъ малое разстояніе насъ раздѣляло—всего отъ 50 до 300 шаговъ. Я успѣлъ выпустить только три обоймы и живой цѣли уже нигдѣ не было видно. Огонь прекратилъ и побѣжалъ къ телефону. Пока я передавалъ о происшедшемъ и замѣченномъ раздалось сразу нѣсколько взрывовъ шрапнели. Выйдя изъ блиндажа, гдѣ были телефоны, узналъ, что по насъ открыли огонь батареи съ фронта; еще минутъ 5 и въ насъ полетѣли гранаты уже съ трехъ сторонъ; я бросился къ нашей единственной 47-ми миллиметровой пушкѣ, но не успѣли мы ее навести, какъ въ амбразуру влетѣлъ японскій

снарядъ, угодилъ прямо въ пушку, она встала какъ на дыбы, и ее существованіе окончилось, тутъ-же были убиты два матроса и третій раненъ. Вотъ затрещали ихъ пулеметы, гдѣ-то совсѣмъ близко, кажется тутъ-же на Орлиномъ. Изъ нашихъ стрѣлять некому, знавшій обращеніе съ ними матросъ исчезъ, можетъ быть былъ раненъ и уползъ. Выносить раненыхъ по малочисленности гарнизона я не позволилъ, да и не было возможности—вся гора засыпалась снарядами. Около 8-ми часовъ съ отвратительнымъ гудѣніемъ пріѣхала первая колесница—одиннадцатидюймовая бомба; мелинитовыя, фугасныя бомбы съ рѣзкимъ трескомъ рвутся со всѣхъ сторонъ; окопы, траверсы, блиндажи разрушаются; все обваливается и сыпится внизъ; дымъ, пыль, отвратительный удушливый газъ окутываетъ всю вершину нашего Орлинаго гнѣзда. Мало похожи были мы на орловъ въ это ужасное время: лежимъ распластанными на днѣ окоповъ, вперемежку съ мертвыми и ранеными, спасаемся отъ градомъ летящихъ на насъ снарядовъ и осколковъ; безпомощные бороться съ ними, выглядываемъ только какъ-бы не прозѣвать появленія штурмующихъ частей, но все-же прозѣвали; увидали, благодаря окутывавшему насъ дыму, только тогда, когда болѣе быстроногіе японцы подобрались къ самымъ окопамъ на вершинѣ и воткнули свой значекъ. Только теперь вскочили и ожили мы — жалкая горсточка живыхъ еще людей. Съ какимъ то остервенѣніемъ бросаемся на японцевъ, не видя и не слыша ни треска снарядовъ, ни стоновъ падающихъ и умирающихъ братьевъ, съ однимъ желаніемъ мстить за нихъ, погибнуть самому. Разсудокъ и даже инстинктъ уже не работаютъ, земля двигается подъ ногами, въ глазахъ все красное жгучее. Повалившіеся на землю раненые, истекающіе кровью не перестаютъ помогать намъ — забрасываютъ наступающихъ ручными гранатками и бомбочками; вмѣстѣ съ японцами сыпятся и мои стрѣлки.

Не знаю сколько прошло минутъ или секундъ, но мы

опять цѣпляясь другъ за друга и сталкивая, добивая врага забираемся въ окопы и безъ прицѣла и безъ умолку выпускаемъ обоймy за обоймой, забрасываемъ передъ собою весь скатъ гранатками, бомбочками.

Чувствуется, что наша взяла, врагъ сбитъ, Орлиное за нами.

Но вотъ опять загрохотала японская артиллерія, опять начался адъ отъ рвущихся снарядовъ и мы съ трехлинейными пулями и ручными бомбочками опять безсильны — прячемся на развалинахъ.

Я пробрался въ блиндажъ для сообщенія по телефону, но увы, не только телефонъ не дѣйствовалъ, но и лѣвой стѣнки у блиндажа не было.

Пока у насъ шла отчаянная рукопашная схватка, снизу ко мнѣ по одиночкѣ подобралась моя 9-я рота, явившаяся по своей иниціативѣ, за ней пришла и 11-я; офицеровъ у меня въ баталіонѣ кромѣ командира 12-й роты и беззавѣтно храбраго начальника охотничей команды подпоручика Грищевича, бывшаго вмѣстѣ со мной на Орлиномъ, не было. Роты подошли во время, по приблизительному подсчету у меня оставалось 14 человѣкъ. Но и роты были немногочисленные, 15—20 человѣкъ. Искалеченные, съ повязанными головами, забинтованные, но сильные духомъ пришли они умереть.

Наскоро набросавъ донесеніе въ двухъ экземплярахъ отправилъ ихъ одно за другимъ въ штабъ отряда, прося постепенно присылать поддержки на замѣну убывающихъ людей.

Штурмы японцевъ слѣдовали одинъ за другимъ 5 разъ, и каждый разъ намъ удавалось ихъ отражать. Мой баталіонъ кончился. Въ поддержку къ намъ были по очереди присланы полурота 28 полка съ офицеромъ, который вскорѣ послѣ прихода былъ убитъ и полурота матросовъ, ротный командиръ которыхъ (лейтенантъ Тимуровъ) тутъ же былъ тяжело раненъ. Однимъ изъ японскихъ снарядовъ были взорваны наши бомбочки, сложенныя подъ платформою; плат

форма загорѣлась, а съ нею горятъ и бывшіе тамъ раненые и убитые. Въ 3 часа 10 мин., я написалъ послѣднее донесеніе (по полевой книжкѣ № 600) и въ тоже время услыхалъ опять крикъ „японцы лѣзутъ“. Это былъ 6-й штурмъ. Я не успѣлъ вскочить на ноги какъ вправо и выше меня раздался страшный трескъ отъ взрыва 11-ти дюймовки и меня, что то вдавило въ землю. Послѣднее, что я вижу это густой дымъ и красный туманъ; съ этимъ сознаніе пропало.

Когда я очнулся, первою мыслью было, что у меня нѣтъ головы и, какъ ни странно, я со страхомъ поднялъ руку, протянулъ ее къ головѣ и пащупалъ волосы. Сразу явилось сознаніе, что я живъ, что меня кто-то несетъ на рукахъ, что я не на Орлиномъ, слышу слова „живъ“. Еще минута и я освободился отъ рукъ несущихъ меня горниста Мотова и стрѣлка Ефимкина, у этого послѣдняго вижу въ рукахъ икону Благовѣщенія, висѣвшую въ нашемъ блиндажѣ; мы въ узкомъ ходѣ сообщенія, подъ ногами стонущіе раненые и убитые. Вершина Орлинаго далеко отъ насъ вся въ дыму—занятая врагомъ.

Горькое чувство досады и обиды при сознаньи, что мы уже не на Орлиномъ, что теперь пропалъ Артуръ, какъ огнемъ обжигаетъ, сверлитъ больную голову. Вдругъ является мысль, я сколько хватаетъ силы кричу: — „братцы за мной“ и прыгаю черезъ трупы, но обезсиленный спотыкаюсь, падаю и вижу, что кромѣ горниста и одного стрѣлка, да раненыхъ никого нѣтъ. Меня опять волокутъ назадъ. Спустившись въ лощину я всталъ и поддерживаемый горнистомъ съ трудомъ передвигая ноги направился къ перевязочному пункту. Снаряды какъ бы провожали насъ и падая, разрывались въ лощинѣ, но отношеніе теперь къ этимъ разрывамъ несущимъ смерть у меня сдѣлалось совершенно безразличное, даже больше—хотѣлось умереть, чтобы прекратилась ужасная боль головы. На перевязочномъ пунктѣ

я встрѣтилъ генерала Горбатовскаго; онъ успокоивалъ меня, призвалъ доктора и приказалъ позаботиться обо мнѣ.

Была уже ночь, когда меня привезли въ Артуръ и тутъ, лежа второй разъ съ августа мѣсяца раздѣтымъ въ постели, я услыхалъ ужасную вѣсть, что сегодня въ 4 часа дня начались переговоры о сдачѣ Портъ-Артура. Я не хотѣлъ вѣрить этому, но капитанъ Богдановъ обратилъ мое вниманіе на раздававшіеся глухіе взрывы и зарево пожара въ сторонѣ моря — это горѣли наши полузатопленные суда и взрывали машины; въ пятомъ часу утра раздались оглушительные взрывы на Золотой горѣ и Электрическомъ утесѣ — уничтожали наши батареи — сомнѣніе исчезло.

Съ какою мукою и душевной болью, со слезами на глазахъ смотрѣли мы утромъ 20-го на уѣзжавшихъ съ бѣлымъ флагомъ парламентеровъ; это были уже 2-е, первые ѣздили вчера въ 4 часа дня. Они встрѣтились съ японскими въ деревнѣ Шуйшинъ, гдѣ и были подписаны конвенціи о капитуляціи. Съ этого момента военныя дѣйствія прекратились. Утромъ 21-го наши войска вернулись съ позиціи въ городъ.

Сказать точную цифру бывшихъ на позиціяхъ въ послѣдній день я не могу, но въ численности моего баталіона я имѣю документъ — вечеромъ 19-го декабря въ 9-ой ротѣ было 19 человѣкъ, въ 10-й — 6, въ 11-й — 3, въ 12-й — 13 и въ охотничьей командѣ — 6, итого 47 человѣкъ нижнихъ чиновъ, 1 офицеръ (подпор. Гринцевичъ) и 1 заурядъ-прапорщикъ (Козинъ). Вотъ что осталось отъ баталіона, который выходилъ изъ Дальняго 23 апрѣля, имѣя свыше 1000 нижнихъ чиновъ и 14 офицеровъ. Общія потери полка были: убитыхъ и умершихъ отъ ранъ офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 753, раненыхъ — офицеровъ 30, нижнихъ чиновъ 2894, при чемъ многіе по 3 по 4 раза.

Наши общія потери подъ Артуромъ были 634 офицера и 31975 нижнихъ чиновъ, изъ нихъ убитыми и умершими 185 офицеровъ и 7574 нижнихъ чина.

Потери японцевъ, по словамъ генерала Ноги, командовавшаго японскими войсками 98 тысячъ, по словамъ же докторовъ и ихъ сестеръ милосердія къ 1-му декабря у нихъ значилось 110,000 убитыми и ранеными.

22-го декабря была произведена сдача оружія, снаряженія, обоза и проч. имущества, а 23-го декабря въ 7 часовъ утра мы вышли изъ Артура по направленію къ городу Дальнему, а оттуда пароходомъ были отправлены въ Японію.

25 декабря армія побѣдителей вошла въ Артуръ, а мы русскіе, въ это время шли подъ конвоемъ желтолицыхъ. Японскіе солдаты съ заряженными ружьями сопровождали насъ.

Сколько тысячъ видѣлъ я ихъ за войну передъ собою, и живыхъ и убитыхъ; то мужественно сражающихся и умирающихъ на штыкахъ нашихъ, то бѣгущихъ въ паническомъ страхѣ, но лучше бы совсѣмъ не видѣть, только не испытать этого позора выпавшаго на нашу горькую долю.

Но виноваты-ли мы, защитники этого напоеннаго кровью клочка земли, въ этомъ позорѣ.

Было ли наше положеніе дѣйствительно таковымъ, что мы не могли уже больше противодѣйствовать врагу, наносить ему чувствительный вредъ, продолжать дѣло обороны.

Да, сопротивленіе стало невозможнымъ; потерявъ форты, укрѣпленія, капониры, редуты и послѣдній оплотъ—Китайскую стѣнку съ Большимъ Орлинымъ гнѣздомъ — въ крѣпости на протяженіи почти пяти верстъ не осталось ни одного укрѣпленнаго пункта. Въ любой моментъ японцы могли двинуться широкимъ и глубокимъ фронтомъ на всемъ этомъ пространствѣ и малочисленная рѣдкая цѣпь стрѣлковъ, болѣе чѣмъ на половину больныхъ и слабыхъ, можетъ быть на какой нибудь часъ задержала бы наступающихъ, а затѣмъ они безъ помѣхи ворвались бы въ городъ, гдѣ лежало 18 тысячъ раненыхъ и больныхъ и началась бы человѣческая бойня; а можетъ быть японцы и не пошли бы, а

просто выставили бы на занятыхъ ими высотахъ 300—400 пушекъ и разстрѣляли бы приговоренный къ смерти Артуръ—прицѣльнымъ огнемъ.

Обвиняютъ въ печати и въ обществѣ генерала Стессель. Не говоря, что въ этихъ обвиненіяхъ есть очень много завѣдомо ложнаго и нелѣпаго, я полагаю, что эти обвиненія преждевременны. Вѣдь Стессель и въ августѣ былъ тѣмъ же чѣмъ былъ и въ декабрѣ. Почему же въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ онъ не сдалъ Артура? Вѣдь и въ эти мѣсяцы японцы влѣзали на наши верки и штурмы ихъ были не менѣе жестоки, чѣмъ въ декабрѣ.

Напрасно думаютъ, что сдавая Артуръ онъ спасалъ себя; японцы любители всякихъ трофей, конечно позаботились бы о томъ, чтобы захватить и сберечь человѣка, на котораго смотрѣлъ тогда весь міръ. Вѣрнѣе то, что Стессель беря весь позоръ сдачи на свою раненую голову, не рѣшился принести въ жертву жалкихъ остатковъ гарнизона и 18-ти тысячъ больныхъ и раненыхъ лежащихъ въ госпиталяхъ, такъ какъ продолжать оборону было не кѣмъ и не съ чѣмъ.

Кто же тогда виноватъ въ нашемъ позорѣ.

Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только тогда, когда будетъ сдѣлано всестороннее разслѣдованіе, появятся подробныя описанія того что у насъ было, описанія всѣхъ сраженій, оцѣнка дѣйствій каждаго рода оружія. Я же слишкомъ мало знаю, чтобы дать категорическій отвѣтъ. Цѣль моего сообщенія была передать безпристрастную правду о Портъ-Артурѣ, страданія котораго судьба послала случай раздѣлить и мнѣ.

Ужасы и эпизоды осады неизгладимою чертою останутся на всю жизнь въ памяти каждаго, а затаенная горечь, досада и обида подвинутъ насъ къ тому,чтобы смыть этотъ позоръ.

Офицеры 14-го В.-С. стрѣлковаго полка.

1904 г. 23 апрьля—23 декабря.

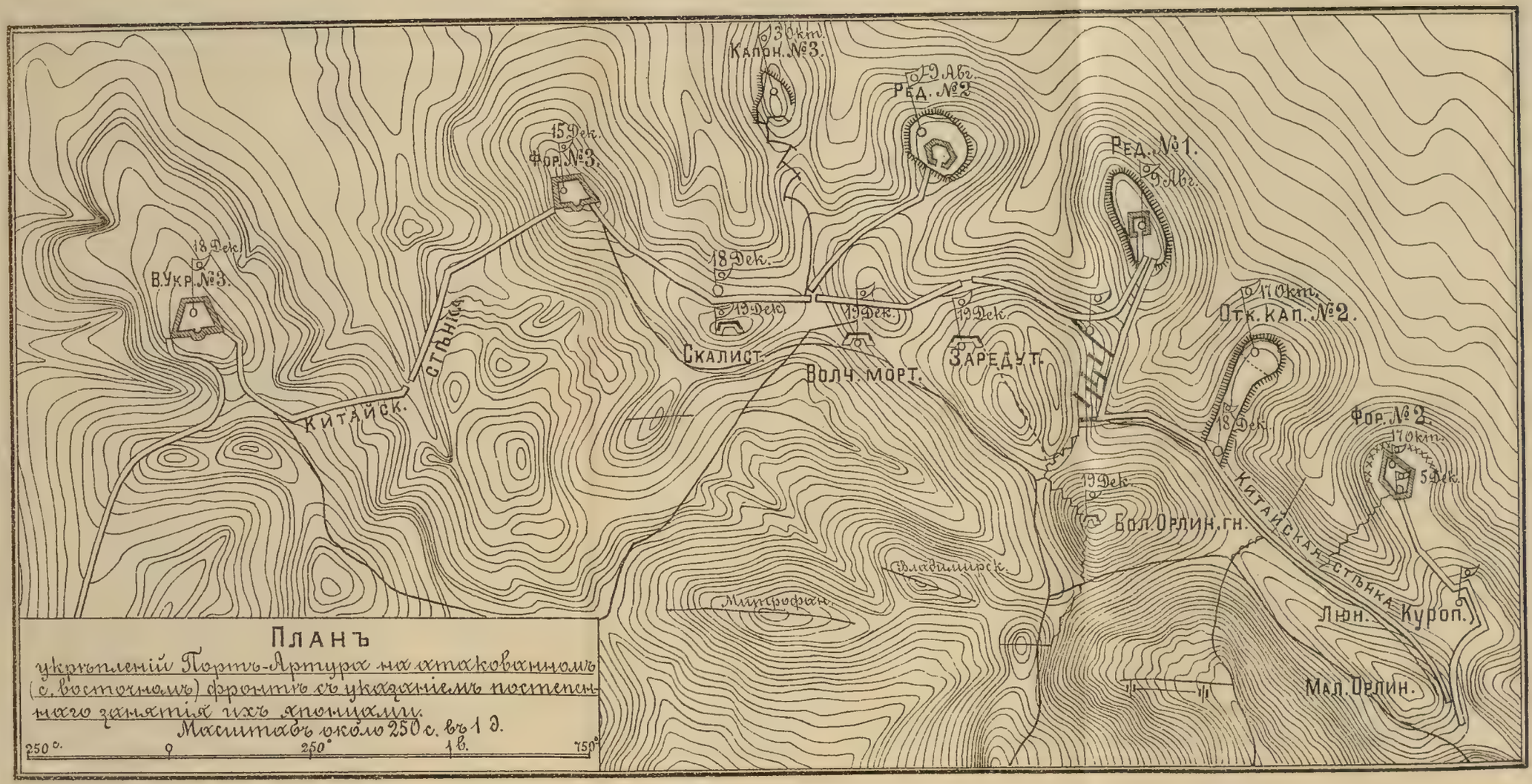
Ком. полка полковникъ Савицкій — раненъ пулей въ животъ на вылетъ.
Подполковн. Кириковъ, ком. 1 бат.—раненъ 2 раза.
Подпор. Стефановичъ — адъютантъ 1 бат.
К. 1 р. Капитанъ Росинъ—убитъ 10 авг.
„ 2 „ „ Богдановъ—раненъ 10 авг.
„ 3 „ „ Ушаковъ—14 ранъ шрапнелью 14 іюля.
„ 4 „ „ Михайловъ.
„ 5 „ Шт.-кап. Далецкій—ран. 10 авг., въ сент.—умеръ.
„ 6 „ Капитанъ Соколовъ—раненъ въ грудь 13 октября.
„ 7 „ Шт.-капитанъ Кузьминъ—раненъ въ руку 13 мая.
„ 8 „ Капитанъ Андреевъ—раненъ въ грудь 9 августа.
Капитанъ Тышкевичъ—раненъ въ руку 7 авг. (ком. 2 бат.).
Подполковникъ Гусаковъ—убитъ на Юшлазѣ 14 іюля.
К. 9 р. Кап. Голицынскій—контуженъ въ голову 19 дек.
„ 10 „ Капитанъ Лопатинъ—умеръ 9 сентября.
„ 11 „ „ Суворовъ—убитъ 3 мая.
„ 12 „ „ Разумовскій—умеръ отъ цынги 6 декабря.
М. О. Прапорщикъ Тимъ—раненъ 3 раза.
„ „ Подпор. Аксаковъ—убитъ 13 ноябр. (оторвало голову).
„ „ Поручикъ Мигурскій—убитъ 20 ноября.
„ „ „ Бордюгъ—раненъ 11 августа.
„ „ Подпоруч. Бордюгъ—раненъ 2 раза.
„ „ Шт.-капитанъ Ваниковскій — убитъ на Высокой горѣ 15 ноября.
„ „ Подпоруч. Нѣмченко—раненъ 3 раза.
„ „ Шт.-кап. Яковлевъ—убитъ въ ночь съ 10 на 11 авг.
„ „ Шт.-капитанъ Соймоновъ—раненъ два раза.
„ „ Подпор. Малиновскій—ран. легко въ окт. (адъют. 2 бат.).
„ „ Подпоруч. Яроновецкій—убитъ 13 ноября у кит. стѣнки.
„ „ Поруч. Рачко—раненъ 2 раза.
„ „ Подпоруч. Естифѣевъ—раненъ 2 раза.
„ „ Подпоруч. Владыковъ—раненъ 3 раза легко.
„ „ Подпоруч. Ивановъ—убитъ въ ночь съ 10 на 11 авг.
„ „ Подпоруч. Гринцевичъ—раненъ въ голову 13 ноября.

М. О. Поруч. Петровъ—убитъ 21 ноября, у К. стѣнки.
„ „ Поручикъ Ю. К. Трофимовъ—раненъ въ животъ 13 нояб. и умеръ 26 ноября.
К. Н. р. Шт.-кап. Кудряковъ—раненъ въ грудь 13 нояб.
Подполковн. Раздольскій—ушибленъ въ авг. и въ октябрѣ.
Поруч. Занковичъ—раненъ 13 ноября.
Поруч. Шумскій—раненъ въ августѣ.
Подпрап. Музалевскій—раненъ 14 іюля.
Поруч. Руссау—раненъ 13 мая.
Подпоруч. Савицкій.
Подпоруч. Тимковскій—раненъ 3 раза.
Подпоруч. Сперанскій—убитъ 2 мая у бух. Керъ.
Подпоруч. Орелъ—раненъ 13 іюля.
Шт.-капит. Кегель—раненъ 14 іюля въ грудь и 8 авг. въ ноги.
Подпоруч. Селиковъ—убитъ 13 ноября.
Шт.-капит. Горленко.
Капит. Протопоповъ—зав. хозяйств.
Подпоруч. Кишинскій—полк. адъют. въ сраженіяхъ не былъ.

Заур. прапор. { Богдановскій—умеръ отъ дизентеріи. / Волкъ Чудненко / Марченко / Царьковъ / Щербаковъ / Копыловъ } убиты.

Заур. прапор. { Форштейнъ / Петровъ / Соловьевъ / Дорошенко / Новосадъ / Козинъ / Савицкій / Чумаковъ / Лошкаревъ / Забытовъ / Гавриловъ / Дышловенко } ранены. { 2 раза. / 2 раза. / 2 раза. / 2 раза. / 2 раза. / 3 раза. }

Выведено изъ строя 85%.

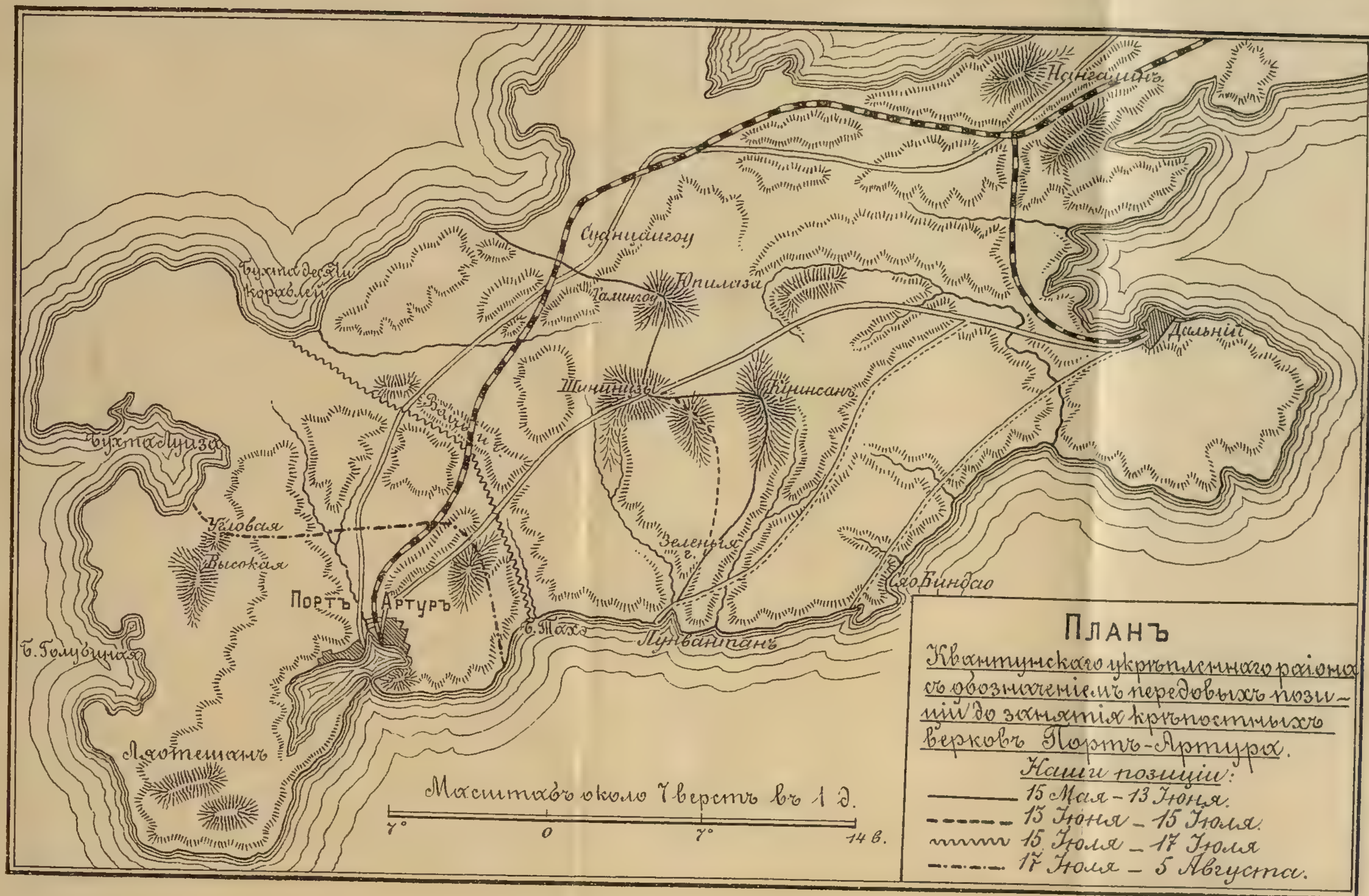


Планъ

укрѣпленій Портъ-Артура на атакованномъ (с. восточномъ) фронтѣ съ указаніемъ постепеннаго занятія ихъ японцами.

Масштабъ около 250 с. въ 1 д.

250 с. 0 250 1 в. 750


ПЛАНЪ
Квантунскаго укрѣпленнаго раіона съ обозначеніемъ передовыхъ позицій до занятія крѣпостныхъ верковъ Портъ-Артура.
Наши позиціи:
15 Мая - 13 Іюня.
13 Іюня - 15 Іюля.
15 Іюля - 17 Іюля
17 Іюля - 5 Августа.
Масштабъ около 7 верстъ въ 1 д.
7° 0 7° 14 в.
Портъ Артуръ
Дальній
Нангалинъ
Юпилази
Шининзы
Кининсанъ
Зеленыя г.
Сяо Биндао
Лунвантанъ
б. Тахэ
Угловая
Высокая
Ляотешанъ
б. Голубиная
бухта Дягузы
бухта десяти кораблей

Проверено 1952 г.